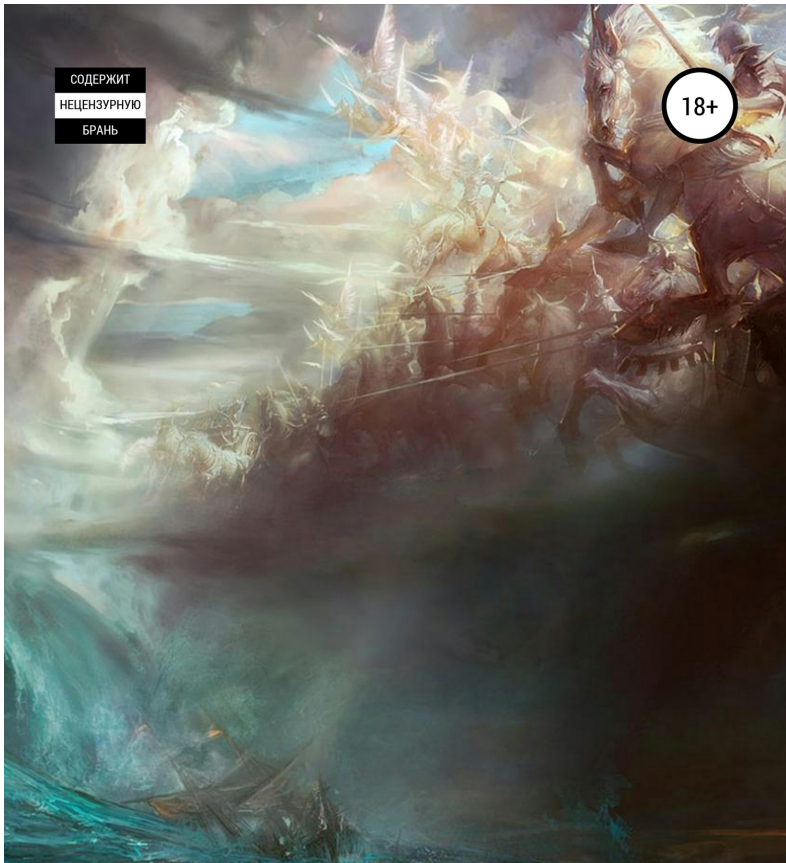

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мурич В.Б.

Спящие карты

Виктор Борисович Мурич

Спящие карты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24186161

SelfPub; 2020

Аннотация

Иногда судьба превращает нас в беспомощных калек. Война. Авария. Несчастный случай. Лишенные конечностей, зрения, прикованные к постели, мы теряем смысл жизни... И приходят сны. Такие реальные, что хочется в них остаться навсегда. Сны, в которых ты делаешь то, что умеешь лучше всего – воевать. Сны – в которых ты снова полноценный. Но за все нужно платить. Даже за сны. Однажды я попал в военный госпиталь. Зашел в палату и столкнулся с ними. Ребята доблестно служили своей Родине. Они отдали ей часть себя, в прямом смысле. Меня окружали инвалиды. Я не буду вдаваться в подробности. Скажу одно – это страшно. Содержит нецензурную брань.

Виктор Мурич

Спящие карты

За чертой – все не так,
Хоть и жизнь в продолженьи.
Леденящая жуть, одиночества путь.
Или сладостна блажь, веселящая ложь.
Нескончаемый путь, неизведанный – пусть.
Или может он полон новых страстей,
Жизни вечный покой и отчаянный бой,
Мы сейчас за стеной, где и мир, и покой,
Пусть немного другой и сейчас он – со мной.
Неизвестно, что ждет нас за той все чертой.
В.В. Козаков

Глава 1.

– Вся безмозглая отара в сборе? – холодно с прищуром
оглядела нас Дама.

Сегодня она выглядит даже более экстравагантно чем
обычно. Местами рванный комбинезон из грубой серой тка-
ни обтягивает стройную мускулистую фигуру. Пластинча-
тый бронежилет из черной керамики, украшенный чекан-
ным изображением радостно скалящегося черепа на гру-

ди изрядно потрепан. Судя по паре небольших отверстий с оплавленными краями, наверняка от кумулятивных пуль, в районе сердца, он не особо-то помог предыдущему владельцу. На плечи наброшена вылинявшая волчья шкура с ушастой головой закрепленной на шлеме. Руки, затянутые в шипастые перчатки небрежно поигрывают двуствольным автоматом свирепой наружности.

– А куда ж мы денемся? – насмешливо хмыкнул красавчик Десятка, оторвавшись от изучения своей снайперской винтовки с большим многочастотным прицелом, способной поражать цели даже сквозь кирпичные стены. – Вместо того, чтобы баб по ночам тискать мы опять не пойми с кем в войнушки играем. Жить нужно под девизом «Быстрее, глубже, нежнее», чтобы и людям было хорошо и тебе приятно и в то же время безопасно. А мы? Шляемся по помойкам всяким. Ты только посмотри на лохмотья, которые нам на этот раз пожаловали. Рвань от кутюр. Срам позорный а не шмотки. – Он браво сплюнул на грязный, мощеный узорчатой плиткой пол, сквозь щели в котором рвется к тусклому солнцу чахлая трава, и продолжил изучение оружия. Не смотря на поведение он точно также как и все остальные рад появлению здесь, но пытается скрыть это под маской презрения и недовольства.

– Несерьезный ты человек Десятка! – уже в который раз упрекнул его стоящий в стороне Восьмерка, прервав изучение надписей на некогда зеркальной стене. – Ты о чем-ни-

будь кроме женщин вообще думаешь? Хотя иногда?

– Конечно, думаю! – искренне возмущился Десятка. – О своей внешности думаю! Если бы не она, то и баб не было бы. Они, как и рыбы на голый крючок не клюют. Яркая приманочка нужна... ну и само собой крючок побольше, чтобы не соскользнула в самый интересный момент.

Он стянул с головы черную замусоленную повязку и безразлично взглянул на нее. Повязка выглядит действительно не ахти. Больше похожа на носовой платок, принадлежащий сильно страдающему гайморитом шахтеру. Уже замахнувшись, чтобы отбросить кусок ткани в сторону он нарвался на суровый взгляд Дамы. Тяжело вздохнув, Десятка с недовольным лицом снова упрятал свои пышные русые локоны под повязку и начал в подробностях и красках рассказывать Восьмерке об одном из своих бесчисленных похождений. Рассказ он сопровождает красноречивыми жестами и невероятными движениями, наверняка отражающими ход событий. С таким энтузиазмом, неумолимой сексуальной энергией и весьма развитой фантазией он и небезызвестного персонажа пошленьких анекдотов – поручика Ржевского перецеголяет, если только раньше от триппера или еще какой гадости кони не двинет. Если верить всем его басням, то, он как минимум секс-машина с встроенным «перпетум мобиле». Восьмерка безразлично морщится, но из вежливости не перебивает рассказчика. Хотя, это может быть совсем никакая не вежливость, а желание поднабраться опыта в амурных

дела. Если так, то зря старается. С его то фасадом...

Я все еще никак не могу прийти в себя от столь резкой перемены окружающей среды. Вроде уже и далеко не первая миссия, а каждый раз испытываю легкий шок при входе в сон.

Радует, что хоть не в зиму попали. Бродить по пояс в снегу удовольствием не назовешь, а лыжи с детства не люблю. Два раза пытался научиться и оба раза трагически. Первый раз для меня – вывихнул руку и расквасил нос. Второй для меня и дяди милиционера неосторожно оказавшегося у меня на пути. Тормоза на лыжах не предусмотрены. А зря. Остановился бы вовремя и не сбросил бы человека в реку. А он еще и плавать, оказалось не умел. Спасательного круга не было, пришлось бросать то, что есть – лыжи. Он тоже странный, вместо того, чтобы их руками ловить все голову подставлял и почему-то совсем не радостно кричал чтобы я хоть палки не бросал. Но ничего, дядька отходчивый оказался. У меня потом три дня уши отходили.

В нашу яму, заполненную обломками проваленных перекрытий и разнообразным мусором, как бы нехотя заглядывает ласковое солнышко. Оно словно побаивается невесть зачем собравшихся здесь людей, не имеющих никакого отношения ни к этому миру, ни к его обитателям. Выныривает из сумрака, ранее не замеченный эскалатор. Железная лента скрывается в толще обрушенных бетонных конструкций, оставляя мне только догадки о своей истинной протя-

женности. Справа, частым лесом застыли погнутые турникеты, а рядом с ними покосившийся под весом обвалившегося потолка книжный ларек. Дующий из невидимого в темноте вентиляционного тоннеля теплый ветер ворошит кипы макулатуры, наполняя яму шелестом. На самом деле никакая это не яма, а разрушенная станция метро. Мощный взрыв когда-то давно разворотил верхние перекрытия и обрушил платформы. Сейчас от бывшего великолепия остался лишь небольшой клочок не засыпанного пространства с турникетами, киоском и вершиной эскалатора.

Меня окружают давно знакомые люди. Точнее не люди, а карты...

У нас нет имен... По крайней мере здесь. В реальности мы все Васи, Пети, Маши, но не здесь.

Все вместе взятые мы именуемся колода Пик. Кроме этого каждый имеет личный номер. Я – пиковая Шестерка... Это мое имя и постоянный повод для шуток. Шестера – именно так меня называет большинство.

В колоде пять мужчин – рядовые карты от Шестерки до Десятки и одна женщина – наш лидер Дама пик. Редкостная стерва, профессионал и бесстрашная до безрассудства. Неделю назад, спасая запутавшегося в колючей проволоке великана Семерку она бросилась наперерез пятерке Храмовников... Даже острые как бритва серпы не помогли святошам... В руках Дамы любой предмет становится смертоносным оружием.

Осматриваю присутствующих. Все затянуты в такие же как у Дамы серые комбинезоны из грубой ткани. Торсы защищены либо керамическими бронежилетами, тускло поблескивающими в лучах заходящего солнца, либо короткими толстыми кольчугами, украшенными какими-то кожаными висюльками.

Рука натывается на висящий на боку короткий автомат. На широком поясе цепочка кожаных подсумков набитых обоймами. К правому бедру прижался короткий клинок с широким лезвием и чуть изогнутой деревянной рукоятью. Оружие подобрано в самый раз под меня, как будто сам выбирал. Я обычно предпочитаю легкое вооружение. Не люблю тяжести таскать... Лениво. Совершенно не обязательно переть с собой кучу разномастного оружия невероятного калибра и дикой убойной силы, если конечно война идет не со слонами в кевларовых панцирях. Обычно противника необходимо всего лишь ликвидировать, а не превратить в контуженного звуком выстрела зайку. Главное, чтобы оружие было безотказным и легким. Малый вес добавляет маневренности и соответственно делает владельца менее уязвимым. Забавно было бы увидеть на реальном поле боя какого-нибудь персонажа боевиков раскорячившегося под непосильным грузом пулеметов и базук. Замечательная мишень из него получилась бы. Большая и заторможенная.

Быстренько провожу ревизию многочисленных карманов и облегченно вздыхаю – как всегда все на месте. Хозяева

хорошо заботятся, никаких претензий. И пищевой рацион и боевая аптечка находятся на своих местах. Оттягиваю затвор автомата – и тут порядок – механизм поблескивает свежей смазкой. Автомат далеко не новый, в изобилии следы эксплуатации, но находится в хорошем состоянии. На широком лезвии бритвенно острого ножа ни единого пятнышка ржавчины – сталь отливает полуночной синевой морской глади. Необычное сравнение, но мне нравится... Нравится смотреть на гладкую сталь и вспоминать море, лунную дорожку подрагивающую на волнах, вереницы туч наперегонки стремящихся прикрыть желтый лик ночной красавицы. Почему-то обо всех этих красотах я начинаю думать лишь на миссиях, дома же это обыденное, повседневное окружение, устаиваемое разве что беглого взгляда из окна квартиры.

– Чего сегодня тут творить будем? – пробасил великан Семерка, вырвав меня из ностальгической пелены воспоминаний.

Невежественное существо этот Семерка. Не человек, а бульдозер. Сходство как в отношении силы так и ума. Нехватка извилин с избытком компенсирована мышцами. В жизни не встречал более сильного человека. Как-то он безоружный оказался в толпе повстанцев из свежеслепленной армии с непроизносимым названием на крыше небоскреба. Роковой ошибкой стало то, что они решили взять противника живьем... Понадеялись на численное преимущество, так сказать. В общем ошибочка у ребят вышла... Когда мы, на-

конец, таки поспели к нему на подмогу, от толпы остался одинокий узкоглазый парень, испуганно забившийся в угол парапета. Бедняга повстанец от страха обмочил штаны и за такое постыдное поведение был отправлен Семеркой в затяжной полет с крыши небоскреба вслед за уже успевшими приасфальтитися однополчанами.

– Мы находимся в городе, – начала Дама, затянувшись сигарой.

– Ой, а я и не заметил! – хохотнул Десятка, озорно взглянув на нее. – Спасибо, что сказала, а то так и остался бы в неведении сидя в этой ямке.

Восьмерка как-то на перекуре рассказал, что еще в самом начале его работы в группе Пик Десятка, как всегда идя на поводу у своего детоштамповочного органа, попытался подъехать к Даме. Что у них там было Восьмерка не видел, но Десятка почти всю миссию бегал с широко расставленными ногами и страдальческим выражением лица, а в ответ на вопросы «что произошло?» лишь хмурил брови и что-то неразборчиво бормотал о женской не гуманности по отношению к сильному полу.

– Мы находимся в городе. Идет война банд, – не обратив внимание на слова Десятки, продолжает Дама. – Банд здесь великое множество, но нас интересует только одна –стая Свирепые Волки. – Мы дружно взглянули на скалящуюся на ее шлеме волчью пасть. – Наша задача – ликвидировать ее лидера.

– Как мы его узнаем? – поинтересовался Восьмерка.

Он всегда выделяется дотошностью и скрупулезностью. Скорее всего, он бухгалтер. Его внешний вид играет на пользу моей догадке. Такой себе сорокалетний плешивенький мужичок с маленьким личиком, носом-прыщиком и вечной сутулостью. На окраинах плечи сиротливо кучкуется редкая растительность. Восьмерка совершенно не вписывается по внешним параметрам в нашу колоду. Он даже Даме достает лишь до плеча. Но его ценность не физические данные, для таких дел у нас народа хватает, а думалка. У Восьмерки уникальная способность анализировать данные и просчитывать ситуации. Таящиеся под жалкой лысиной мозги не раз помогали колоде выйти из затруднительной ситуации.

– Узнать лидера Свирепых Волков достаточно легко, – отбросила окурок сигары Дама. – На гладко выбритой голове ярко-оранжевый гребень волос. На груди золотой волчий череп. Правая сторона лица прикрыта стальной полумаской. Под ней он прячет уродливый шрам.

– Происхождение шрама? – задумчиво интересуется Восьмерка.

– В данный момент это роли не играет, – как-то неожиданно резко ответила Дама, словно ей вопрос неприятен.

Восьмерка с нескрываемым любопытством посмотрел на Даму:

– Телохранители? Количество? Уровень? Оружие?

– Да. Двое. Средний. Обычное. Основная опасность не

телохранители, а он сам. Свободно владеет любым оружием, отличное физическое состояние, не смотря на возраст в пятьдесят лет. В его стае царят железные законы. Любое нарушение карается, вплоть до смерти. Дисциплина строже армейской. Но, не смотря на такую жестокость, он пользуется сверхвысокой популярностью и уважением. Волки готовы умереть ради него.

– Какую территорию контролирует? – продолжает выкачку информации Восьмерка.

– Шестнадцать кварталов. Больше чем кто-либо другой. На его территории находится чистый источник воды – скважина с насосом и работающий белковый завод-автомат. В здешних условиях эти две вещи являются большой ценностью. Ресурсы – постоянный источник конфликтов.

– А что здесь произошло? – напряглось от любопытства прыщавое лицо Девятки. Среди нас он самый молодой – не больше двадцати. Совсем пацан еще. Наивная и романтическая натура. Как-то из-за его романтизма колода чуть не провалила миссию. Тогда мы охотились на Дикий Цветок Растущий На Вершине Горы – профессиональную киллершу с обалденно длинным послужным списком. Охота длилась почти неделю. Раз за разом она юрким обмылком выскользала из наших рук. Казалось, что удача так никогда и не повернется к нам положенным местом. Но на седьмой день фортуна все же сжалилась. Повезло именно Девятке. Он столкнулся с киллершей в крохотном тупичке мусульманского городка.

Вместо того, чтобы пристрелить Девятка встал перед ней на одно колено и начал нести какую-то романтическую чушь. Если бы я тогда не подоспел вовремя, то он так и остался бы лежать в том тупичке со стилетом в горле, а так отделался всего лишь царапиной на шее, увесистой пощечиной от меня и жуткой вздрючкой от Дамы. В общем-то Девятку понять можно. Когда я оттаскивал его причитающего с рожей в слезах и соплях от трупа, то бросил мимолетный взгляд на мертвое лицо. Никогда я еще не видел и думаю, что не увижу такой обезоруживающей улыбки. Даже смерть оказалась бессильной перед красотой... До сих пор это сказочно красивое лицо приходит ко мне в ночных кошмарах, как бы спрашивая «Зачем?». А я лишь молчу, опустив глаза, так как мне нечего ответить. Я и сам бы с огромной радостью получил ответ на этот вопрос.

– Тебе какая разница? – насмешливо глянул на него Девятка и бережно поправил выпавший из под повязки локон волос. – Пришел, увидел, поимел, то есть я хотел сказать победил. Вот и все дела. Чего голову глупостями забивать.

– Интересно-о-о, – протянул Девятка, не прекращая с любопытством вертеть головой на тонкой немойтой шее, нелепо торчащей из воротника бронежилета. – Здесь ведь тоже люди, наверняка такие же как и мы. Они ведь жили себе не тужили, а тут трах-бах, война или еще чего.

– Не напрягайся Девятка, – холодно произнесла Дама. – Это не твоя забота. Лучше думай о том, как выполнить по-

ставленную задачу.

Парнишка тяжело вздохнул, и опустил голову, осознав неуместность своих вопросов, но мне хорошо видно, что в карих глазах по прежнему поблескивает негасимый огонек подросткового любопытства. Ох, не доведет его до добра неугомонный характер. Ведь обязательно рано или поздно сунет голову в ... и ... в общем, на войне как на войне.

– Теперь краткое напутствие, – пристально оглядела присутствующих Дама. Под прицелом ее бесцветных глаз я всегда чувствую себя неуютно. Вот и сейчас, мне показалось, что они заглянули во внутрь меня, покопались в мыслях и воспоминаниях, и не найдя там ничего заслуживающего внимания перешли к следующей карте нашей жиденькой колоды. – Солирует сегодня, – она сделала паузу, как будто раздумывая над продолжением, хотя (я уверен в этом на сто процентов) все уже давно решено, – Шестерка.

– Я? – автомат в руках немного дернулся от волнения. Солировать миссию это одновременно почетно и рискованно. Даже не знаю чего больше.

– Ну, это, Шестера, ты того, не подведи! – подымает над головой ладонь величиной со средних размеров сковородку Семерка.

Быстро смещаюсь в сторону, подальше от него. Знаю я эти похлопывания по плечу. Уже проходили. Производственная травма перед боем мне совсем ни к чему.

– Не забывай думать, – тихонько наставляет бухгал-

тер-Восьмерка.

Он всегда так тих. Кажется, что он боится собственного голоса и от этого разговаривает почти шепотом.

Часто киваю, принимая напутствия. Сердце непроизвольно переходит на учащенный ритм под первыми, пока еще хилыми волнами адреналинового шторма. Это возбуждает. Эти несколько минут перед боем самые приятные. Потом, когда начнется бешеный танец со смертью, в окружении ров пуль и пламени, я уже ничего не буду чувствовать. Не до чувств будет. В бою я машина... Не всегда даже удастся думать – палец нажимает на курок еще задолго до того, как возникает мысль об опасности. И это правильно. Иначе нельзя. Иначе не выжить. В эти минуты дом – место, откуда я пришел, кажется нереальностью, иллюзией, не более чем кошмарным сном. Но в то же время я всегда помню, что рано или поздно миссия закончится и мне придется вернуться... Вернуться в серость и беспросветность... Вернуться в тоску и ожидание...

– Наша цель находится вон в том фигваме. – Дама тыкает пальцем в десятиэтажное строение украшенное веером больших дыр неизвестного происхождения. – Скорее всего, последний этаж. Еще раз напоминаю о профессионализме противника, это вам не суматошные мятежники, это сплоченная железной рукой банда, имеющая богатый опыт уличных боев. Дублем к Шестерке пойдет Девятка. Все должно пройти очень быстро и аккуратно. И без самодеятельности

умники, знаю я вас!

– Надеюсь, что хоть перед пятидесятилетней образиной с оранжевым хаером и железным намордником ты на колени падать не будешь, – хохотнул Десятка и насмешливо глянул на щуплого паренька, бережно прижимающего к груди тупорылый автомат с под ствольным гранатометом.

Девятка краснеет, отрицательно качает головой так и не найдя что сказать в ответ.

– Вопросы? – не глядя ни на кого, поинтересовалась Дама, и демонстративно постучала пальцем по стеклышку наручных часов. – Тогда вперед, дохляки. Шевелите мослами, – прозвучала команда в ответ на наше дружное молчание.

Закинув автомат за спину, начинаю выбираться из глубокой ямы служившей нам укрытием. Ноги скользят по обломкам кафельной плитки некогда покрывавшей стены, а пальцам все никак не удастся зацепиться. Первая попытка неудачная. Соскальзываю по стене обратно вниз.

За спиной раздается язвительный смешок. Ну естественно Десятка, кто же еще.

– Может тебя подсадить? – любезно предлагает он.

– Изыди. Я твои похотливые руки к своему заду ближе чем на метр не подпущу. Кто знает, что у тебя на уме? – отвечаю ему в том же духе.

– Заткнитесь! – прервала Дама начавшееся веселье в народных массах.

Сплетающиеся в черную паутину высоковольтные кабеля

оказываются очень кстати. Используя их как канаты, царапаюсь наверх, и прячусь за баррикадой из вздыбившегося асфальта. До сих пор из ямы мы наблюдали всего лишь кусок неба и несколько домов, теперь же моему взгляду открылся полуразрушенный город, переживший войну. Именно войну, а не природный катаклизм. Никакое природное бедствие не в состоянии оставлять на кирпичных стенах такие до боли знакомые ряды оспин – результат работы крупнокалиберного пулемета.

Мы находимся почти в центре перекрестка широких дорог, вдоль которых толпятся высотные жилые дома с магазинами на первых этажах. Стеклянные витрины разбиты, в сумрачных утробах неизгладимые следы погромов и мародерства. Никаких признаков жизни, лишь несколько покосившихся манекенов в диковинных нарядах тупо пялятся дырками глаз на усеянный медленно дефилирующим под порывами зловонного ветра мусором асфальт и застывшие как памятники суровой эпохе обгоревшие остовы машин.

Раньше здесь наверняка бурлила жизнь – струились потоки автомобилей, неторопливо гуляли по тротуарам влюбленные пары, кто-то торопился на работу, кто-то домой, но с тех пор, как этот город стал резиденцией костлявой старухи с косой и на редкость мерзкой мордашкой все изменилось...

Сегодня мы в ее владениях – на ее пастбище.

Метрах в двадцати лежит несколько старых, уже подвергшихся нашествию ворон трупов – пожилой мужчина и трое

детей. Он похож на учителя в окружении своих учеников. Судя по положениям тел, они пытались перебежать через улицу, но попали под чью-то чертовски прицельную очередь.

– Вот ведь сволочи! – тихо шепчу, глядя на детские трупики.

– Что там? – шелестит в ухе горошина наушника голосом Девятки. Он только-только начал подъем на поверхность.

– Трупы детей, – отвечаю в прилепившийся у левого уголка рта микрофон.

– Ты что трупов никогда не видел? – рывкнула в ухе Дамма. – А ну вперед сучий потрох! Нашел чем любоваться! Вперед помесь гуманиста с некрофилом!

С трудом отрываю взгляд от детей, успев в последний миг заметить, что там еще одна девочка, наверное, лет восьми. Она лежит за крупным телом мужчины, поэтому я ее сразу не заметил. Четвертая... При падении с детской головы слетела широкополая шляпа, и теперь ветер небрежно поигрывает парой жиденьких хвостиков льняного цвета. За истоптанный башмак зацепился полиэтиленовый пакет. Почему-то хочется подойти и убрать его, а еще прикрыть шляпой обезображенное клювами лицо с пустыми как у манекенов глазами.

Короткими перебежками устремляюсь к разбитому окну необходимого мне здания, слыша за спиной тихие шаги Девятки. От него зависит безопасность моего тыла. В случае чего он должен оттянуть огонь на себя, давая возможность

мне выполнить миссию.

Не останавливаясь, рыбкой проскальзываю сквозь перекошенную раму, и мягко приземлившись, сразу же делаю кувырок в сторону. Если вдруг меня засекли во время прыжка, этот нехитрый трюк позволит избежать нескольких лишних дырок в моем теле и даст время на ответный огонь.

– Чисто, – сдерживая волнение, шепчу в микрофон. Вроде уже и не новичок, а все равно волнуюсь как в первый раз.

– Поняла. Подтягиваемся. Шевелитесь уроды! Давай-давай, ковыляй мослами великий сеятель жизни!

– Я лучше ножками, – хихикает Десятка в ответ Даме.

Через окно шумно, с остатками ветхой рамы, вваливается Девятка, и замирает возле меня, с опаской поглядывая на входную дверь.

– Ты специально головой в раму целился? – Вид щуплого паренька озадаченно почесывающего уши бленную макушку не может не вызвать улыбки.

Он нервно облизывает пересохшие губы и пренебрежительно отмахивается. Глаза радостно поблескивают огнем охоты. Похоже, что не я один испытываю радость от работы. Интересно кто он там... дома?.. и общий ли у нас дом?.. Неужели и у него столько серости и мрака в душе? Но об этом не принято спрашивать. Все что касается жизни вне миссий закрытая тема. Своего рода табу.

Похоже, что эта комната в свое время была каким-то складом. Тянущиеся вдоль стен, высокие до потолка, стеллажи

заставлены картонными коробками. Справа в углу небольшая платформа на колесах с закрепленной раздвижной лесенкой, чтобы добираться до самых высоких полок. Десятка делает шаг к ближайшей коробке, намереваясь познакомиться с ее содержимым. Вот уж неугомонный! Показываю ему кулак. Он обречено вздыхает и отступает назад, жадно ощупывая взглядом стеллажи. Я уверен, что стоит мне отвернуться, и парень повторит свою попытку вновь.

Под окном возникают силуэты Дамы и Восьмерки. Бухгалтер задумчив, как всегда погружен в размышления. То ли он действительно такой умный, то ли это естественное выражение лица.

– Десятка – на двадцать метров вправо, Семерка – за трансформаторной будкой слева у окна, – командует Дама и одним движением перебрасывает тренированное тело через подоконник. – Сидеть тихо, как в шкафу у чужой бабы.

И где мы только не сидели...

Кого мы только не имели

Мужья за нами бегали

Гремя рогами прыгали

Довольно мелодично припевает Десятка пересекая улицу со снайперской

винтовкой наперевес и скрывается внутри помятого лимузина с выбитыми стеклами и простреленными крышками. Из водительского окна высовывается длинный ствол и начинает стеклянным глазом прицела хищно заглядывать в

лица домов как бы в поисках съестного.

Трансформаторная будка оказалась мелковатым укрытием для великана Семерки, и теперь из-за нее выглядывают широкие плечи и приклад тяжеленного пулемета с навеской из пары управляемых ракет. Я бы загнулся под весом такой махины, а ему хоть бы хны.

Хочется верить, что тяжелое оружие нам сегодня не понадобится, и миссия пройдет как по нотам – пришли, убрали и ушли.

– Вы тут долго топтаться будете? – свирепо прошипела мне в лицо Дама. – Вперед пара паралитиков!

– Уже идем, – дергаю за рукав Девятку, и мы быстро покидаем комнату.

На удивление спокойно добираемся до седьмого этажа. Сквозь узкое окно на лестничной площадке открывается замечательный вид на маслянисто поблескивающую речушку, зажатую в бетонные берега, тянущийся вдоль нее большой парк с детскими качелями и горкой в виде ракеты. Лучи стремящегося на покой солнца пронизывают летнюю зелень листвы. Карусель с лошадами покосилась на бок, примяв теремок-кафе с цветастым навесом и пеньками-столиками. Вдоль тропинок паутиной покрывающих парк гвардейским караулом выстроились скамейки с гнутыми спинками.

За все время я не увидел ни одного живого человека.

Несколько трупов и Девятка не в счет. Тихо как в могиле. Может Дама ошиблась... как тогда с шахтерами?

Интересно, каким образом Хозяева получают сведения о местонахождении целей? Свое разведуправление? И вообще, зачем нужна ликвидация, спасение, похищение этих целей, поднятие или подавление восстаний? В чем смысл нашей работы? Как всегда некстати завертелся привычный круг вопросов не имеющих ответов.

Непохоже, чтобы в этом продуваемом всеми ветрами доме кто-то жил кроме сквозняков. Идеальное место насморк заработать.

Как бы в подтверждение в носу закрутило, и я не сдержавшись, оглушительно чихнул. От души. Звук отразился от голых стен и гулким эхом покатился по лестнице.

– Сдурел? – перепугано дернулся Девятка.

–

Извини, случайно вышло.

Зажимаю рукой нос, чтобы удержать рвущийся на свободу очередной чих.

– Что у вас там за шум? – недовольно любопытствует Дама по рации. Она с Восьмеркой движется вслед за нами со значительным отрывом. Сейчас они должны находиться где-то этаже на третьем.

– У Шестеры насморк, – радостно докладывает Девятка и тут же прикрывает рукой

рот, виновато взглянув на меня.

– Стукач, – недовольно констатирую под тихое хихиканье в наушниках. – Дятел телеграфный.

Для колоды нашелся повод поскалить зубы.

– Шестера, ты зря козюльки то не трать, – очень серьезно советует Десятка. – В случае если патроны закончатся, за-
сморкаешь врага до смерти своими токсичными отходами.

Не в силах больше держаться он заржал чуть ли не в полный голос.

– Специально для тебя поберегу, – сердито огрызаюсь.

Вот так всегда. Из-за какого-то жалкого, совсем даже ничемного чиха, на который в обычных условиях никто бы даже внимания не обратил, превратился во всеобщее посмешище. И это только начало. А все из-за чрезмерно длинного языка Девятки. Трепло!

– Девятка, передай этой Шестере, что если он еще раз выпустит свои сопли на свободу, я ему сморкальники до самой жопы растяну.

– Тогда еще и уши, чтобы полноценный слон получился, – прыскает Десятка. – Слыш, Дама?

– Всем заткнуться! – пресекает Дама веселье.

– Я нечаянно, – шепчет Девятка, с видом побитой собаки прикрыв рукой микрофон. – Вырвалось... Шестера ну чего ты обижаешься?

– Да пошел ты... – презрительно бросаю в ответ и продол-

жаю подъем по лестнице.— Мегафон ходячий

Восьмой этаж.

Откуда-то из глубин коридора идет запах приготавливаемой пищи. Где пища там и люди. Нам сюда.

Беззвучно, как два призрака перетекаем из комнаты в комнату. Работаем по отлаженной схеме — напарник держит под прицелом дверь, я, пригнувшись, проскальзываю в комнату с резким уходом влево, он спустя секунду появляется вслед за мной, но уже с уходом вправо. Схема простая как двери, но надежная и проверенная временем.

Под ногами осколки посуды и оконных стекол, книги, какое-то тряпье. Стены изобилуют нецензурными надписями и довольно откровенными иллюстрациями к ним. Энциклопедия русского мата в картинках.

В одной из комнат натыкаюсь на ворох детских рисунков разбросанных по полу. Осматриваю помещение — обычная детская. Деревянная двухъярусная кровать с лесенкой на второй этаж, стеллаж, забитый игрушками, на столе в окружении засохших цветов в глиняных горшках игрушечная лейка с остатками воды на дне. Похоже, что маленькие хозяева собирались заняться поливкой, но что-то им помешало. Глаза бегают по комнате, ощупывая предмет за предметом, пытаюсь понять, что здесь произошло... стараясь заглянуть в прошлое. Поднимаю с пола альбомный лист. На нем неумелой детской рукой нарисована семья: два одинако-

вых мальчика держаться за руки, за их спинами стоят мужчина и женщина с длинными желтыми волосами, а у ног лежит непропорционально большой кот, густо покрытый почему-то зелеными полосами. Акварель местами расплылась и вообще рисунок довольно схематический. Наверняка понимая отдаленное сходство с оригиналами, маленький автор добавил кривыми буквами пояснение: «МАМА ПАПА Я С БРАТОМ И КЭШ». Где же они все? Неужели город мертв? Банды не в счет...

В двери появляется Девятка. Бросив взгляд через мое плечо на рисунок, он непонимающе пожимает плечами. Я ничуть не удивляюсь его реакции. Даже ему, самому человеческому из Пик, не понять моих чувств. Он единственный, кто проявляет интерес к окружающей нас реальности, но это не более чем любопытство. Для остальных есть миссия – задача, которую необходимо выполнить. Все окружающее лишь сцена, на которой идет наше представление. Они хорошие ребята, но никто, голову даю на отсечение, никто из них даже на мгновение не задержался бы в этой комнате, не говоря уже о том, чтобы рассматривать какие-то нелепые детские рисунки или размышлять о судьбе их автора. Есть лишь миссия и ничего более.

Бережно ложу рисунок на стол и вслед за Девяткой покидаю комнату.

И снова бесконечные коридоры и комнаты, скромные офисы и хорошо обставленные квартиры, маленькие бассей-

ны и кафе. Не дом, а коктейль. В одном стакане смешаны обычно не совместимые ингредиенты.

Молодой парень, в кожаной куртке сшитой из неровных кусков неожиданно появился из двери слева и неторопливо прошествовал на балкон. Я вжался в стену и затаил дыхание. Вжикнула расстегиваемая молния на кожаных утыканных множеством заклепок штанах и парень начал мочиться вниз одновременно мурлыкая какой-то попсовый мотивчик.

Медленно, стараясь не выдать своего присутствия, передвигаю автомат на спину и вытаскиваю нож. Условный знак – сжатый кулак, поднятый над головой, заставляет идущего позади Девятку остановиться.

Меня и потенциальную жертву разделяет всего несколько метров. Главное, чтобы парень не успел крикнуть. Очень уж хочется подобраться к главарю банды поближе прежде, чем начнется стрельба.

Парень протяжно зевнул и сплюнул, пытаясь попасть в струю.

Пользуясь его занятостью чрезвычайно важным делом, делаю шаг вперед и заносу нож для удара под сердце.

– Су-у-ука! – раздается откуда-то снизу утробный рев Семерки и передо мной вспухает огненное облако, в мгновение превращающее парня в кожанке, а заодно и балкон в кашу из окровавленного бетона и летящих во все стороны обрывков арматуры. Взрыв бросает меня как щепку на стену, об-

ломок бетонной плиты молотом бьет в грудь так, что темнеет в глазах, а на губах появляется кровь. Волна пыли и мелких каменных осколков напрочь лишает зрения. Кровь лупит в виски так, что кажется еще удар, и она вырвется на свободу. Наваливается тошнота, и я со стоном падаю на пол.

– Не стой под струей, – звучит в наушниках насмешливый голос Десятки. – Шампунь дать?

– Шестерка! Шестерка, что там у тебя? Отвечай! – орет Дама. – Девятка, что с Шестеркой?

– Су-у-ка! Волчара позорный! – повторный рев Семерки, слышимый безо всякого передатчика. – Убью-ю-ю шавку!

– Оживленное движение в окнах десятого этажа, – извещает Десятка. – Шестера, Девятка готовьтесь, Волки двигнулись вниз. Вероятно вы у них на пути. Их много!

– Рекомендую временно укрыться и переждать ротацию сил противника. Вероятно, что вожак не будет принимать участия в бою. – Монотонным спокойствием звучит Восемерка. – Мы оттянем силы на себя вниз. У вас будет шанс попасть на верхний этаж. Учитывая какой шорох здесь навел Семерка, – он помедлил как бы собираясь сказать что-то в его адрес напередумал, – рядом с вожаком никого кроме телохранителей быть не должно. Шестерка ты меня слышишь?

Я пытаюсь что-то ответить, но из губ вырывается лишь хрип, а вслед за ним на панцирь выплескивается фонтан крови. Ничего этого я не вижу, вполне достаточно одних ощущений.

Эфир заполняется криками и отборной руганью. Что-то невнятно орет Семерка, перекрикивая гул собственного пулемета. Шепот Восьмерки наполняет уши, создает фон для этой какофонии, а голос Десятки вслух отсчитывающего количество жертв своей снайперской винтовки выступает в нем первой скрипкой.

Похоже на этот раз мы крупно влипли. Судя по звукам, бой идет не шуточный – со стороны противника стволов двадцать, как минимум.

Глухо ахнул близкий взрыв, и по стенке частой россыпью застучали осколки. Что-то упало мне прямо в ладонь, как мелкая монетка нищему, просящему подаяния.

Сильное жжение заставляет вздрогнуть и отбросить непрошеную милостыню, судя по всему оказавшейся свежерожденным осколком ручной гранаты взорвавшейся поблизости.

Осторожно открываю глаза, закрываю и вытираю их рукой. Открываю.

Вроде целы.

Это радует.

Картинка окружающего мира присутствует, но носит довольно размытый характер. Держась за стену, медленно поднимаюсь, борясь с головокружением и тошнотой. Меня качает как в девяти бальный шторм или после основательной попойки паленой водкой.

– Шестерка жив, – сиплю в микрофон, попутно забрызги-

вая его слюной перемешанной с кровью.

– Шестерка, что там у вас твориться? – пробивается сквозь шум боя голос Дама. – Мы застряли на пятом этаже. Тут этих козлов немерянно. Цель обнаружили?

– Пока нет, – с трудом выдавливаю из себя слова. Никогда не думал, что каждое слово может приносить такую боль. – Я контужен... – Взгляд пробегает по длинному коридору в поисках Девятки, который должен был прикрывать мою спину. – Девятка мертв, – глухо бормочу, наткнувшись глазами на тело напарника с кривым куском арматуры, торчащим из шеи.

– Ср-рань! – в сердцах орет Дама. – Ты должен найти цель. Понял? Шестерка? Ты должен его убить во что бы то не стало! Мне плевать на твою никчемную жизнь! Меня интересует лишь одно! И ты это сделаешь! Слышишь? Сделаешь, иначе я тебя наизнанку через жопу выверну. Я прошу тебя! Слыш? Шестера? Я Дама, умоляю тебя. Все что угодно лишь бы эта гнида сдохла! – В ее голосе появляются нотки страха. – Ты сам знаешь, что будет, если мы провалим задание.

На ответ не хватает сил. Как сломанная кукла обрушиваюсь на грязный пол лицом вниз. Ее последние слова жарким факелом полыхают в сознании, побуждая к действиям. Да, я знаю, что будет в случае провала миссии... Ничего не будет... ни для кого из нас. Те кто останутся в живых позавидуют мертвым окунувшись в привычную серость. Возможно я и не прав... Возможно дома у них все расчудесно... в от-

личие от меня.

Звуки боя и лепет передатчика становятся все тише и тише, словно отдаляясь. Остается лишь боль, терзающая тело раскаленными щипцами. Неужели это все? Я представлял финиш несколько иначе... А где же свет спускающийся с небес, где врата, через которые я должен войти и избавиться от страданий? Страданий? Страданий... Какое неприятное и болючее слово. В детстве оно у меня всегда ассоциировалось с больницей, а особенно со стоматологическим кабинетом, в котором был частым гостем.

– Больница? – пытаюсь вспомнить что-то важное, сосредотачиваю внимание на этом слове. – Ну конечно же... Как мог забыть...

Рука тянется к боевой аптечке на левом предплечье. Со щелчком отскакивает крышка, и пальцы ложатся на выступающие кнопки пневмошприцов.

– Так, нужно вспомнить... Вспомнить...

Глаза никак не хотят открываться, чтобы помочь рукам в трудном выборе.

– Первый и третий... Нет. Первый и четвертый, – бормочут окровавленные губы.

Желательно не перепутать, иначе результат может оказаться совершенно противоположным ожидаемому.

Две тонкие иглы втыкаются в тело, впрыскивая реаниматор и стимулятор.

Над моей головой раздаются незнакомые голоса. Чья-то

нога в высоком ботинке с ребристой подошвой отшвыривает мой автомат в сторону. Сильные руки переворачивают на спину.

– У меня потери! Восьмерка мертв! Шестерка отзовись, – мрачной реальностью врывается в уши голос Дамы. – Вынуждена отступить. С верхних этажей Волки как тараканы лезут. Семерка прикрой меня.

– Понял! – наполняет голову болью ревущий бас. – После твоего появления две ракеты в точку выхода и отходим.

– Принято.

– Десять, – спокойно отсчитывает Десятка. – Возьму на себя окна. Сколько смогу. Кстати, в доме напротив кто-то шастает. Шестера ты еще жив?

– Шестера, это Дама, ответь!

Надо мной на фоне облупленного потолка с разбитым светильником нависло испещренное глубокими морщинами лицо на половину прикрытое чеканной стальной пластиной-маской. Оранжевый слипшийся от пыли гребень волос свисает набок. Кажется, что этот человек только что покинул костюмированный карнавал. Этакий петушок оранжевый гребешок, лысая головушка, железная мордушка.

Уже чувствуется результат работы аптечки. Еще немного, и смогу действовать. Такой удачи я даже не ожидал – вот так запросто оказаться рядом с целью. Теперь успех миссии полностью в моих руках. Скорей бы стимулятор начал действовать в полную силу.

Рядом с вожакom стаи появилась пара телохранителей с лицами сплошь покрытыми густыми разводами татуировок. Один из них поднес пахнущее гарью дуло карабина к моему виску и хищно оскалился. Страх, мелькнувший на моем лице, заставил захохотать его во весь голос. Вожак презрительно сплюнул мне на грудь, и небрежно махнул рукой, отходя в сторону. Это послужило командой для телохранителей. Покрытое мелкими точками ржавчины лезвие двинулось к моему горлу. Интересная альтернатива получается – если не застрелят, то зарежут как овцу.

– Шестерка, мы пока держимся. Если жив, отзовись, – настойчивость Дамы становится утомительной. – Ты сделал это? Ты достал его?

– Уже делаю! – откликаюсь и одновременно начинаю действовать.

Каким-то шестым чувством вожак почувствовал опасность, и юлой крутнулся на месте, разворачиваясь лицом ко мне. Он как раз успел к финалу – на пол тихо опускается уже второй телохранитель, пытаясь вытащить из горла собственный нож. Покачав головой вожак насмешливо взглянул на меня и ... Я даже не успел заметить, откуда в его руке появился древний револьвер с длинным дулом как прозвучал выстрел. Тело среагировало само, уклоняясь от пули, в результате я отделался лишь глубокой царапиной на доспехах и мигом вспотевшей от страха спиной.

Кто ты? – полюбопытствовал человек в маске.

– Шестерка. Колода Пик, – отвечаю, не отрывая взгляда от ствола древнего оружия.

– Ну-ну. Извини, но я не очень гостеприимный хозяин. Ты уж не обессудь.

– Ничего, – выдавливаю из себя некоторое подобие улыбки, – я сам за собой поухаживаю.

Он широко улыбается в ответ и кивает в сторону пролома в стене:

– Ну, сам так сам. Сэкономишь мне пулю. Прыгай.

Отрицательно мотаю головой.

Скорость движений и реакция этого человека вызывают невольное уважение и опасение одновременно. Пожалуй, я встретил равноценного, а может быть даже и превосходящего по мастерству противника. Не смотря на возраст и крупное телосложение, чуть ниже меня ростом, наверное где-то метр восемьдесят, и весом килограмм этак сто тридцать если не больше, он легко двигается и обладает незаурядной грацией. Честно говоря, я даже не уверен, что смог бы в подобной ситуации так быстро достать оружие.

– Я рад, что ты жив, – весело кричит в наушниках Десятка. – Мы сейчас расчистим тебе дорогу, а то количество фанатов, жаждущих получить наш автограф, становится просто неприличным. Главное чтобы чернил в ручке на всех хватило. Координаты?

– Восьмой. Фронтал. Шагов тридцать влево от лифтовой

шахты, — тихо отвечаю, сориентировавшись на местности.

— Ну, это совсем никуда не годится, — укоризненно покачал головой вожак. — Отключай прямую трансляцию с места событий.

Подчиняясь взмаху ствола, вытаскиваю из уха горошину наушника, отклеиваю от щеки липучку микрофона и отбрасываю в сторону.

— Вот это другое дело. Значить говоришь колода Пик и добровольно прыгать не хочешь. Ну-ну. — Глубокий голос пропитан иронией. — И какая же у Пик была задача? Хотя нет, можешь не отвечать. Тут и так все ясно...

Этот человек мне начинает нравиться, не смотря на то, что в мои планы входит его смерть. Он уверен в себе, прекрасный солдат и держится так, что приятно посмотреть. Это тебе не перепуганные до смерти шахтеры, прущие напролом со стеклянными глазами и тупо палящие во все, что шевелится. Это профессионал... Такой же как и мы. Что-то подсказывает мне, что он не просто похож на нас... Слишком уж знакомый стиль... А появление пистолета в руке это безукоризненная в исполнении «невидимка» — прием которым мы часто пользуемся.

— Ты?.. — начал я, теряясь в догадках.

Рука невидимого великана вырвала с мясом кусок стены здания. Дом содрогнулся от взрывной волны. Коридор наполнился плотными клубами пыли. Следующая ракета, выпущенная Семеркой, рванула на этаж выше. Сквозь пролом

в стене вижу куски строительных конструкций парящих в воздухе. Нас подбросило вверх и смачно приложило о пол. Не успевшее отойти от предыдущей порции тело заныло, не смотря на обильную дозу стимуляторов.

Мне удалось вскочить на ноги первым. На ходу выхватывая нож я бросаюсь сквозь непроницаемую пелену пыли к тому месту, где должен находиться вожак.

Вот и он. Обломок стены упал вожаку на ноги, не позволяя подняться. Человек со стоном ворочается, пытаясь дотянуться до отлетевшего в сторону пистолета. Властное лицо с крупными чертами перекошено болью, полные губы изрыгают проклятия.

– Не тяни резину. Пощады просить не буду, не дожدهшься! Делай то, за чем пришел! – проскрежетал он, увидев меня.

– Может, сам себя обслужишь? – скалюсь в ответ и вскидываю нож.

– А не пошел бы ты! – зверем глянул вожак, чуть ли не воя от боли.

Похоже, у него серьезно задеты ноги.

Нож, занесенный для удара, застыл в руке. От выполнения миссии меня отделяет одно движение. Стоит лезвию пронзить сердце главаря, и все кончено, но что-то во мне борется с никогда ранее неоспоримым приказом. Возможно симпатия и уважение к достойному противнику? Нет, это чушь полнейшая. Что же тогда?

– Урод! Что творишь? – заорал главарь, когда я полоснул его ножом по бедру. – Ты что, одурел от неожиданного счастья до такой степени, что куда нужно попасть не можешь? Тебе не в Пиках ходить, а жаб на болоте из рогатки глушить!

Молча прячу окровавленный нож в ножны и отстегиваю от пояса гарпун. Хлопок и зубчатый штырь ввинчивается в бетон оставшейся стены. Выудив из пыли автомат устремляюсь к месту где еще минуту назад была наружная стена.

Оставшиеся в живых Пики медленно отходят к месту высадки, огрызаясь из всех стволов. Улица усыпана трупами вперемешку с кучами битого кирпича и несколькими расколотыми лестничными пролетами. Славно Семерка поработал, теперь этому домику даже капитальный ремонт не поможет.

Из окон шестого этажа дома напротив звонко застрекотал реактивный пулемет. Первая очередь с шипением стегнула по измученному асфальту в паре метров от Пик. Короткой очередью срезаю стрелка, и он безмолвно выпадает из окна. Меня заметили. Десятка радостно замахал рукой, а Дама укрылась за газетным киоском на углу, явно намереваясь меня дожидаться.

– Думаю, ты с этим знаком, – отстегнув боевую аптечку, бросаю ее вожаку.

Прыжок и бегу вниз по вертикальной наружной стене дома не прекращая огня из автомата по окнам дома напротив. За спиной разматывается тонкий трос, удерживая меня в го-

горизонтальном положении.

Голова разламывается от непонимания собственного поступка. Зачем? Почему я нарушил приказ, отлично зная, что это грозит наказанием гораздо более суровым чем смерть – потерей снов? Своим поступком я поставил крест на существовании колоды.

Подолы ботинок глухо бьются об асфальт улицы.

Пики прикрывают меня густым огнем, одновременно отходя к разрушенной станции метро. С шелестом проносится над головой пара ракет и с тяжелым уханьем взрывается где-то за спиной.

– Живой чертяка! – приветливо хлопает меня по плечу Десятка и искренне улыбается, как только я с разбега спрыгиваю в яму разрушенной станции метро.

С нее начался наш путь в этом мире, ней и закончится. Это не правило, просто в данном случае так удобнее.

– Привет Шестера, – приветственно поднимает над головой руку Семерка. Второй он удерживает раскрасневшийся от частой стрельбы пулемет с опустошенной ракетной подвеской. Великан сегодня хорошо потрудились. Даже чересчур! Именно его несдержанность поставила нас в тяжелое положение. Вообще это большая удача, что при сложившихся обстоятельствах из шести карт осталось четыре. Могло быть намного хуже.

Я тоже рад их всех видеть. Не смотря на то, что мы часто вздорим, а временами и подтруниваем друг над другом, на

время боя мы сплоченная команда.

– Ты выполнил поставленную задачу? – резко дергает меня за доспехи Дама и поворачивает лицом к себе.

Ее бесцветные глаза выворачивают меня наизнанку в поисках правды. Волчья шкура на спине обгорела и теперь издает мерзкий запах. Сейчас Дама похожа на потрепанную, но от этого ничуть не менее опасную волчицу.

– Ну-у-у-у.

Колеблюсь между желанием сказать правду и остаться живым.

– Он мертв? – жгут сталью холодные глаза.

– Вот, – протягиваю нож, выдержав взгляд. – Зарезал как барана.

Кровь на лезвии должна подтвердить мою правоту. Можно конечно было испачкать своей кровью, спереди весь панцирь забрызган, или в труп какой воткнуть, но все это приходит в голову лишь сейчас.

– Молодец, – теплеет она взглядом. – Хороший мальчик. Ты прости, я сегодня нагрубила тебе немножко...

Надо же, Дама извиняется вместо того, чтобы привычно орать, обогащая нас знаниями военного лексикона глубоко уходящего корнями в мат! Это что-то новенькое. На моей памяти такого еще не было. Может ее того... контузило?

У Десятки удивленно поднялась бровь, а Семерка просто тупо отвешивает челюсть.

– Ничего. Я понимаю. Так надо было, – по джентельмен-

ски принимаю извинения.

– Умничка, – меня как выслужившуюся собаку треплют по щеке.

Загадочная она все-таки эта Дама.

Делаю благодарное лицо, хотя из головы никак не выходит вожак стаи. Что-то здесь не то... Нескладушка какая-то получается. Надо будет попробовать разобраться в ситуации, а заодно придумать, как буду оправдываться за только что сказанную ложь, если конечно она выплывет наружу. Интересно, почему все же я его не убил? Впервые не выполнил приказ... А если это обнаружится? Что тогда? Ради чего я рисковал самым ценным, что у меня есть?

– Уходим отсюда. – Дама достала из поясной сумки транспортный модуль, небольшую плоскую коробочку с клавиатурой и крохотным дисплеем, отслеживающим местонахождение медальонов а соответственно и их владельцев, и приготовилась нажать кнопку.

– Давно пора, – обрадовался Десятка приказу. – Лично мне здесь не нравится. Шумно, грязно, народ всякий с автоматами бегают и все норовит в меня попасть.

– Никто медальон не потерял? – задает ритуальный вопрос Дама.

Рефлекторно хватаюсь за висящий на груди под панцирем кругляшок. Без транспортного модуля и личных медальонов домой не вернуться.

– Подожди, – в последний момент перехватываю руку го-

товую нажать кнопку. — Есть одно дело.

Дама недоуменно подняла на меня глаза, а Десятка сделал возмущенное лицо.

— Это тебе за Девятку! — выдыхаю, и изо всех сил бью Семерку в челюсть.

Он падает навзничь, но тут же вскакивает на ноги, наводя на меня пулемет. Маленькие, поросычьи глазки на широком лице горят ненавистью. Бык поцарапанный самоуверенным тореро.

— Ты че, сдурел Шестера? — Семерка одновременно взбешен и растерян. — Совсем страх потерял, оборзевший тип?

— Если бы ты не выстрелил ракетой в парня, который помочился на тебя, Девятка был бы жив, и миссия прошла бы намного легче. Из-за тебя мы потеряли двоих, — тянусь и я за автоматом. — Мог бы и потерпеть! Не сахарный!

Дама ловким движением выбила из рук увальня пулемет и повалила его на землю.

— Нашли время и место! — рассержено произнес Десятка, настороженно поглядывая на края ямы и вслушиваясь в приближающуюся стрельбу. — В любой момент к нам поклонники на голову могут свалиться, а если поумнее будут, то просто накидают в эту яму цветочков осколочных... и с концами... даже аплодисментов не услышим.

— Никто, вы поняли, никто, ни одна сука не смеет мне ссать на голову, — отбросил Даму на стену Семерка и с дикими глазами потянулся за пистолетом, висящем на боку.

Выстрел. Посыпались куски кафеля со стены.

– Примитив. Никогда его не любил, – равнодушно произнес Десятка, опуская еще дымящуюся винтовку.

Великанское тело Семерки рухнуло на пол, а кровь из простреленной навывлет груди хлынула мне на ботинки.

Я подал руку Даме, помогая подняться. Она тяжело охнула, ухватившись за бок:

– Кажется, этот гоблин с волосатой задницей на плечах вместо головы мне несколько ребер сломал. – Она подняла с земли оброненный при падении транспортный модуль. – На сегодня приключений хватит?

– Да жми уже скорее...

Глава 2.

Утро. За окном серая промозглая осень, наполняющая душу беспросветной тоской и унынием. Мелкий дождик частой россыпью стучит в зашторенное окно, создавая аккомпанемент к визгливому скрежету веток по оконному стеклу. Как похоронный марш...

Кому-то, может, такая погода и нравится. Говорят, что она настраивает мысли на философский лад, подталкивает поразмышлять о сути жизни, глядя на серое унылое покрывало туч, нависших над головой. Как на меня, в такую погоду только умирать хорошо... Минорные аккорды дождя и уже полностью лишившиеся листьев ветви исполинского тополя

под окном, наклонившегося к самому дому под грузом прожитых лет, составят замечательное музыкальное сопровождение для тех, кто решил раньше времени уйти из жизни...

Интересно, кто-нибудь проводил анализ влияния погоды на рост суицида? Когда людям больше нравится безвозвратно уходить? В жаркий летний день; под убаюкивающий шепот первого снега, лениво лежащего на промерзлую землю; глядя на просыпающуюся после зимней спячки природу; или вот в такой серый и унылый день? Почему-то мне кажется, что именно такая вот серость и становится той самой последней каплей переполняющей чашу терпения отчаявшегося человека... Человека, которому больше нечего терять и чей уход будет практически незаметен для окружающих. Поахают, денек другой посплетничают соседи выдумывая самые фантастические версии навеянные детективными сериалами, ляжет на свежий холмик земли дешевый бумажный венок с надписью на ленте «От сослуживцев», брызнут гранчаки наполненные свежеприготовленной водкой в подсобке цеха... и все... Через несколько недель мир забудет, что еще недавно жил и надеялся на счастливое будущее хороший парень Дима.

Взгляд упирается в лежащую на кухонном столе, застеленном дешевой, в порезах клеенкой, опасной бритве. Трофейная. С белой костяной ручкой и не потускневшим за долгие годы лезвием. Отец рассказывал, что ему эта бритва досталась от моего деда, прошедшего вторую мировую от начала

и до победного конца.

— Эх, папа-папа, — еле слышно произношу, глядя на выцветший рисунок обои над столом. — Знал бы ты, что собирается сотворить твой единственный сын...

Ты бы просто положил крепкую руку на мое плечо, заглянул в глаза и, я сразу бы все понял. Понял, что жизнь это борьба, в которой ничего не дается просто так. Что по дороге жизни нужно идти с гордо поднятой головой, "не прогибаясь под изменчивый мир", независимо от положения в обществе и того, сколько в кармане шуршащих купюр. Ты всегда именно так и делал. Ты боролся, не смотря на частокол преград, и почти всегда побеждал. Тебя не подкосила даже смерть любимой женщины и оставшийся на руках, более привыкшим к баранке грузовика, младенец. Но тебя нет... А я... Я устал бороться... потерял веру в будущее. Мне просто надоело жить в пустой реальности лишь в ожидании сна. Того самого сна, в котором я становлюсь действительно Кем-то значимым, имеющим цель и задачу, кого окружают пусть даже и не друзья, а просто боевые товарищи, всегда готовые прикрыть мою спину.

Не отрывая глаз от бритвы, одним глотком допиваю остывший чай и, морщась потираю лоб. Голова раскалывается от боли. Как всегда после таких снов. Своего рода плата за ... Даже не знаю как назвать то, что дают мне эти сны... Наверное чувство значимости, особенности и что самое главное полноценности.

Вначале хотел было обратиться к врачу. Ну, не может, по крайней мере, не должен нормальный человек видеть такие сны. Они слишком реалистичны и взаимосвязаны, чтобы быть всего лишь сновидениями. Уже взявшись за ручку двери с надписью «Психиатр» я передумал и чуть ли не бегом, насколько это ко мне применимо, устремился домой. Тогда я испугался. Испугался того, что действительно болен и меня все таки вылечат. Потеря мира снов казалась чем-то ужасным. Легче было смириться с мыслью, что я психопат, чем потерять свою колоду карт и перестать быть Шестерой.

Эти сны я начал видеть около полугода назад. Поначалу это были всего лишь красочные сновидения, в которых я в окружении группы сотоварищей мотался по иногда совершенно невероятным местам, выполняя некие миссии. Потом сны стали чудом, которого я ждал с нетерпением юноши ожидающего прихода любимой девушки и последующих за этим сладостных событий, с нервной дрожью наркомана грезящего о заветном шприце, наполненном кайфом. Каждый раз усыпал с надеждой, что сегодня, да-да именно сегодня опять окунусь в водоворот событий, буду сражаться неизвестно ради чего или кого, выполняя поставленную задачу. Но надежда чаще всего сменялась разочарованием — я просыпался утром имея в голове лишь сумбурные обрывки каких-то малозначащих и пустых снов или просто ничего не помнил... И тогда реальный мир становился еще мрачнее и безрадостнее. Но иногда мне везло, и тогда я просыпался

со счастливой улыбкой на губах, не смотря на сумасшедшую головную боль, служившей платой за сказку позволяющую существовать в реальном мире, где ты никому не нужен.

Последний сон был самым необычным из всех. Пики и до сих пор теряли людей. При мне двоих, да и сам я пришел на смену Шестерке погибшему где-то в горах под грузным телом оползня, по крайней мере, именно так мне рассказал покойный Восьмерка. Непроизвольно улыбаюсь ходу мыслей. Я думаю о персонажах своих снов порожденных, скорее всего больным воображением и неудовлетворенностью окружающим миром как о живых людях. Я тоскую за погибшими... переживаю случившееся, как будто это все взаправду. А этот вожак стаи Свирепых Волков... И почему я его не убил, впервые нарушив приказ? Его волевое лицо до сих пор стоит у меня перед глазами. И он знал кто мы...

– Все хватит! – резко хлопаю ладонью по столу так, что чашка подпрыгивает и падает набок. – Хватит.

Я должен выполнить намеченное. Должен закончить это бессмысленное существование, слабо тлеющее лишь за счет параноидальных снов. Ванна полная горячей воды и острое лезвие ждут меня. Я должен освободиться...

Сдерживая дрожь в руке, тянусь за бритвой. Холодная косяная рукоять удобно ложится в ладонь, а лезвие мягко выскальзывает наружу, освобождаясь от долгого плена.

От резкого дребезжания дверного звонка я вздрагиваю едва не обронив бритву.

– Кого это принесло? – озадаченно бормочу и, перебросив бритву в левую руку правой тянусь за костылем.

Вытертая рукоятка, вырезанная из дерева в виде бараньей головы с закрученными рогами, принимает вес моего тела, и я с шипящим стоном встаю на ноги. Два года назад, сразу после операции маститый хирург, стоящий в окружении стайки молоденьких медсестричек внимающих каждое слово, заметил, что мне через год танцевать можно будет, а боль останется в далеком прошлом. Но оказалось, что маститые тоже ошибаются – боль осталась, как и не сгибающееся колено – плата за тягу к романтике. И вот теперь, каждый раз, как только правая нога принимает на себя часть веса, я шиплю от боли, пронизывающей раскаленной иглой колено как рассерженная змея, которой незадачливый путник наступил на хвост.

Дверной звонок еще раз напоминает о своем существовании длинным дребезжанием. Сжимаю покрепче зубы и медленно ковыляю по кажущемуся бесконечным коридору.

– Утро доброе, Димочка, – заглянула в приоткрывшуюся дверь соседка тетя Гала, наряженная в пестрый махровый халат с попугаями.

При каждом движении ее полное тело перекачивается под тканью и кажется, что попугаи шевелят крыльями и щелкают клювами. Так и ждешь услышать – «Попка дурак».

– Наверное.

– Ты чего это так вот запросто дверь открываешь? А вдруг

чужой кто? Ты бы хоть в глазок сперва выглядывал или цепочку набрасывал. Сам знаешь, какое сейчас время.

– Угу, – неопределенно киваю в ответ.

– А невеселый чего? – тревожно взглянула она, как будто угадав от какого занятия меня оторвала. – Весь такой в тоске-печали. Может, случилось что?

– Да погода такая, – отмахиваюсь левой рукой с все еще зажатой бритвой. – Хмурая.

Соседка от вида блеснувшего перед глазами лезвия вздрогнула, но тут же улыбнулась.

– Вот это правильно. А я еще тебя в беспечности упрекаю, – указала она пухлым пальцем на бритву. – А ты вишь, перестраховываешься. И правильно. Правильно, – зачастила тетя Гала. – Жизнь сейчас такая... Не приведи Господи. Вон в соседнем доме квартиру на прошлой неделе обчистили. Так не поверишь – хозяин дома был. В туалете сидел. А они, бандюки эти, входную дверь тихонечко отмычкой вскрыли, да и начали не спеша вещички выносить. Хозяин-то просек, что дело неладно, но побоялся из туалета-то высунуться. Так и сидел бедолашный пока те не ушли.

– А что ж грабители в туалет не сунулись?

Широко улыбаюсь, представив человека сидящего на унитазе и дрожащего от страха. Можно сказать, что в чем-то ему даже повезло – по крайней мере, унитаз рядом был.

– А чего там искать? – расплылось в удивлении круглое лицо соседки все еще хранящее следы былой красоты.

– Мало ли где народ заначки делает.

– И то верно Димочка. Спасибо тебе за совет. Сама бы во век не догадалась.

– Вы проходите тетя Гала, – приоткрываю дверь и делаю шаг в сторону.

– Я Димочка, на минуточку, – засуетилась она, отчего по-пугай еще активнее замахали крыльями и защелкали клювами. – Мне позвонить надо. Можно? Мне телефон уже пятый год обещают установить, да все никак очередь не доходит. Да чего я тебе рассказываю? Сам все знаешь.

– Что за вопрос? Конечно можно. Только у меня тут не прибрано.

– Жениться тебе надо, – назидательно прозвучал голос тети Галы уже из комнаты. – Вот тогда и порядок будет и всухомятку питаться перестанешь.

– Хватит с меня и одного раза, – отвечаю скорее для себя, чем для нее. – Наженился по самое нехочу.

– Зря ты так категорично. Женщины разные бывают. Ну не повезло в первый раз, ну и что?

– Женщины то разные, но я один и тот же.

Не желая слушать женскую трескотню, закрываю дверь на кухню. Сейчас начнется привычное перемирование косточек неизвестной мне невестки Люды, ее неумения готовить и басни о том, какой ее сыночек Славочка хороший и добрый мальчик. А то, что он, накачанный дебил, купивший школь-

ный аттестат, а теперь косящий от армии, старику-ветерану из тридцать второй квартиры нос разбил за напоминание о том, что окурки не стоит по подъезду разбрасывать, так это ничего, это мелочи, нечего было сыночком командовать.

От вынужденного задержки взял старую газетенку с холодильника. Даже не помню, как она там оказалась. Газета оказалась желтой, местами до неприличия. Взглянул на дату выпуска – «10 марта».

«Комары гораздо гуманнее некоторых женщин. Уж если комар пьет твою кровь, он, по крайней мере, перестает жужжать.» – прочитал я на последней странице в разделе «Потешные фразы» и улыбнулся, невольно вспомнив о своей жене... Бывшей жене. На редкость удачная формулировка.

Соседка давно уже ушла, плотно прикрыв за собой дверь и напомнив о том, что необходимо закрыться на замок, а я все еще стою у окна, и смотрю сквозь дождь на плотный, не смотря на воскресенье, поток машин, гудящий по проспекту. Где-то вдалеке свистнул одинокий поезд. Снова скрежетнула по стеклу ветка тополя. Я стараюсь не смотреть на хмурое небо. Кажется, что стоит лишь коснуться его взглядом и эта клубящаяся серость тут же наполнит душу, вытесняя из нее остатки ярких красок – наших светлых чувств и эмоций. Любовь, преданность, доброта, сострадание, радость – все исчезает, лишь прикоснувшись к серой тоске.

Я ненавижу это небо... этот город... этот мир... эту

жизнь.

Засвистел закипевший чайник.

Струйка кипятка уже готова ринуться в чашку с отбитой ручкой, на доньшке которой притаился бархан дешевого чая, в котором больше мусора чем чайных листьев. Я замер как изваяние с булькающим чайником в руке.

Хочу в люди!

Эта мысль всплыла из ниоткуда, но сразу же стала самой важной. Суперприоритет!

Меня охватило непривычное ощущение... Непреодолимое желание оказаться в утробе бурлящей толпы, почувствовать себя ее частицей, жить ее сумбурной жизнью, попадать в течения, тонуть в водоворотах. Главное забыть обо всем и стать крохотным кусочком чего-то большого. Хотя бы на время почувствовать себя таким же как все...

Я не хочу быть один!

Позабыв о ранее намеченных планах, начинаю хаотично метаться по квартире, собирая разбросанные вещи. Бритва заняла привычное место на полочке в ванной комнате. Надеюсь, что в ближайшее время я буду использовать ее исключительно по назначению.

Я еще не знаю куда пойду... Главное чтобы там были люди. Много людей.

Глава 3.

Из приоткрытой двери, над которой висит помпезная вывеска, гласящая о том, что это заведение никак не меньше чем бар «Кардинал» льется тихая музыка. Изрядно промокший я застыл у входа, не решаясь войти.

«Кардинал» – ближайшее питейное заведение, именно поэтому я его и выбрал. Честно говоря, на большее у меня просто фантазии не хватило. Сколько я не напрягался, но так и не смог придумать, куда еще можно пойти в воскресенье в середине дня. Культурные мероприятия я не уважаю, поэтому кино, театры и выставки отбросил сразу. Бар это конечно не толпа, но никаких митингов или других массовых собраний народа сегодня не предвидится. Эпоха бесконечных очередей уже прошла, а жалкие ручейки, выходящие у касс супермаркетов и супершопов для меня интереса не представляют. Можно конечно было выбраться на футбол, сегодня кто-то с кем-то играет, но я не люблю подобные зрелища. Меня начинает душить зависть от вида такого количества молодых парней гоняющих по полю мяч. Невольно напрашиваются вопросы «а чем я хуже?» или хотя бы «чем заслужил то, что имею?».

Не было ни малейшего желания трястись в общественном транспорте, поэтому одну остановку, разделяющую мой пятиэтажный дом и увеселительное заведение, решил пройти пешком, не смотря на боль в ноге. Пожалеть пришлось уже через несколько минут, когда вначале приутихший дождь предательски обрушился на непокрытую голову. Зонт я

естественно забыл дома, а легкая куртка из плащевки наброшенная поверх свитера грубой вязки с высоким воротником оказалась слабой защитой от непогоды. С промокших волос за шиворот потекли холодные ручейки.

На всякий случай засовываю руку в карман и проверяю наличие. Несколько помятых и сырых купюр, кое-какая мелочевка.

Не густо.

Наконец решившись, открываю дверь и вхожу в бар.

Над дверью звякает китайский колокольчик, и взгляды немногочисленных посетителей устремляются в мою сторону. Вот этого не люблю! Терпеть не могу, когда пристальные взгляды с любопытством ощупывают сперва костыль, а потом упираются в нелепо выставленную ногу. Не люблю жалость, мелькающую в глазах невольных зрителей.

Сделав каменное лицо и стараясь идти как можно естественней, не взирая на пульсирующую боль в колене, направляюсь к столику в темном углу. Надеюсь, что там меня не так будут беспокоить любопытные взоры.

Устраиваюсь в неглубоком, но удобном креслице, а мокрую куртку вешаю на спинку соседнего. Теперь главное найти удобное положение для ноги, чтобы беспокоила поменьше.

– Что будем заказывать? – возникает из ниоткуда официантка.

Симпатичная. Одета скромно, но со вкусом: синяя блузка

и короткая черная юбка. Мальчишеские, немного озорные черты лица, короткий ежик светлых волос и грустные серые глаза. Кажется, что она слишком долго смотрела на укрытое угрюмыми тучами небо и в ее душе поселилась осень. Улыбаюсь собственным мыслям.

– Что будем заказывать? – повторяет она с подозрением взглянув на сияющую на моем лице улыбку.

Официантку вполне можно понять – со стороны я выгляжу не очень. Высокий мужчина неопределенного (одни дают двадцать пять другие на десяток больше) возраста в помятых джинсах и уродливом свитере. Давно нестриженные темные волосы неопрятной челкой спадают на худое скуластое лицо с острым носом и глубоко посаженными темными глазами. Насквозь промокшая дешевая китайская курточка, костыль, а в придачу еще и дурацкая улыбка. Могу себе представить, что сейчас творится в голове у девушки...

– М-меню м-можно, – неловко прошу почему-то заикаясь.

– Пожалуйста.

Как по мановению волшебной палочки передо мной появляется книжица в изящном переплете со страницами усеянными названием разномастных блюд и напитков. В первую очередь меня интересует крайняя правая колонка с заголовком «Цена».

Да-а-а! Однако!

За последние несколько лет, с момента моего последнего посещения бара цены существенно возросли. Морщу лоб,

пытаясь вспомнить, сколько же у меня наличности в кармане, чтобы не попасть впросак. Вот склеротик! Не помню... Ведь только несколько минут назад подсчитывал стоя у входа.

– Вам что-то подсказать? – вежливо интересуется официантка.

– У вас пиво свежее? – не придумав ничего умнее, брякаю в ответ.

На ее лице ни тени удивления. Похоже, она привыкла и не к таким клиентам.

– Конечно.

– Тогда «Балтику» номер раз и... – я на мгновение снова погряз в математические расчеты.

– И? – деликатно напомнила девушка о своем существовании.

– И пепельницу, – обрадовано выпалил я, радуясь, что так умело выпутался из затруднительного положения.

– Хорошо, – кивнула официантка и направилась к барной стойке, за которой крепыш бармен виртуозно размахивает шейкером.

Опустив глаза, обнаруживаю стоящую в центре стола здоровенную пепельницу и тяжело вздыхаю.

Укутавшись облаком табачного дыма, пью мелкими глотками пиво и рассматриваю бар. Желание быть среди людей как-то развеялось само по себе, уступив место привычной

серой тоске. Теперь я даже не знаю, на кой черт сюда приперся, но точно уж не для того, чтобы выпить пива. Это можно было сделать и дома, благо в холодильнике заначка осталась. Но зачем-то же я сюда пришел...

Заведение производит приятное впечатление. Не смотря на отсутствие явной стилизации, так модной несколько лет назад, обстановка выглядит гармонично и уравновешенно. Стойка из дерева утыкана, как и положено, пивными кранами и батареей толстостенных стеклянных бокалов поглядывающих в матовый потолок жерлами гаубиц. Полтора десятка столиков. Не турецкая пластиковая дешевка а из такого же как и стойка дерева, покрытого прозрачным лаком. Мягкие удобные креслица. Ненавязчивая, хорошая музыка. Что-то очень знакомое, но пока никак не удастся вспомнить что. Вроде Квины, но на сто процентов не уверен. Приятная атмосфера.

За столиком у входа расположилась стайка студенток что-то приглушенно щебечущих о завтрашней лабе по сопромату и тяге престарелого профессора к младому телу. Как раз в этот момент возле них появилась официантка с подносом уставленным стаканами, среди которых гордо возвышается бутылка клюквенной «Финляндии».

Эта группа невольно напомнила мне собственное студенческое прошлое. Как хорошо тогда было. Минимум забот, максимум свободы и почти никаких обязов за исключением сдачи сессии. Интересно было бы сейчас встретиться со сво-

ими одноклассниками. Хотя нет. Ничего хорошего из этого не получилось бы. С момента получения диплома прошло почти четыре года. У каждого теперь своя жизнь, свои заботы. Былая дружба прошла, не выдержав испытание временем. Осталась лишь ее тень, которая висела бы над нами при встрече, заставляя задавать глупые вопросы, и натянуто улыбаться.

За столиком справа сидит пожилая пара, неторопливо поглощая содержимое тарелок. За все время они не произвели ни слова. Двигаются как запрограммированные автоматы. Вилку опустить – грибочек наколоть – в рот положить – разжевать – проглотить – вилку опустить. Эта пара пробуждает в глубине души непонятный страх. Страх, что они – типичные представители современного человеческого рода, а процесс их питания это образ типичной жизни. Проснуться – пойти на работу – работа – прийти с работы – сон – проснуться. Название разные, но ведь алгоритм действий один и тот же. Цель? Ради чего это все делается? Процесс ради процесса?.. продолжения рода и создания точно таких же замкнутых существ? В начале они еще обладают определенной свободой мысли, долей самостоятельности, но затем отлично отлаженный механизм «школа-армия или вуз – работа» все равно превращает людей в подобия их породивших. Есть конечно индивидуумы, которые думают сами, принимают неординарные решения, идут против течения... Но где они? Почему я их не вижу? Может потому, что такие люди

это миф, сказка придуманная специально... Но тогда в свою очередь возникает вопрос зачем? Кому это нужно?

– Ну и что в этой рыгаловке-забегаловке наливают? – заглушил музыку надменный бас, прервав мои размышления.

В бар шумно ввалилась троица хорошо одетых молодых парней уже находящихся навеселе. Поблескивающие глаза, развязанное поведение, слишком громкая речь выдают, что ребята уже успели сегодня подзаправиться и не прочь продолжить гудеж. Они мне с первого взгляда не понравились. Иногда бывает такое – видишь человека всего одно мгновение и сразу же понимаешь, что перед тобой редкостных козел и хам. Манера поведения и громкие голоса диссонируют с окружающим умиротворением и спокойствием.

– Эй, девка, – призывно махнул один из парней официантке после того, как троица устроилась невдалеке от меня. – Сооруди нам по быстрому полянку. Главное водочки не забудь. Ну и всего остального... чтоб все как у людей...

Парень очень удачно выразился – «как у людей». Одной этой фразой он вычеркнул себя и своих друзей из густых рядов гомосапиенс и поместил в не менее густые ряды гомоидиотус.

– Пивка не забудь, – подгавкнул самый маленький из троицы украшенный шейным платком и шмыгнул носом. – Водка без пива...

– Знаем, знаем, – недовольно буркнул третий. – Только не водка без пива, а пиво без водки.

Между ними завязался громкий спор о том, что без чего деньги на ветер. Окружающие начали бросать недовольные взгляды на вновь прибывших. Даже пожилая пара на миг оторвала глаза от тарелок и осудительно посмотрела на источник шума, перед тем как снова окунуться в кажущийся бесконечным процесс.

– Оглохла девка? – рявкнул полный наглости голос. – Тебе за что бабки платят? Сюда бегом!

Его собутыльники дружно заржали.

– Слыш ты, которая с подносом! Да-да я к тебе обращаюсь! Не притворяйся дохлой мухой, а лучше тащи сюда жратву и пойло. – Парень в шейном платке тоже решил показать какой он крутой мужик.

Крепыш за стойкой сделал недовольное лицо и двинулся в направлении тройцы, но едва заметный жест официантки заставил его остановиться и вернуться на свое место.

– Иду-иду, – предельно вежливым тоном произнесла девушка и, прихватив меню, устремила к клиентам. – Водочки, пива, что еще заказывать будем?

– Во! Эт другое дело, – довольно пробасил парень. – Значит так...

– Ай! – взвизгнула официантка и залепила от души пощечину парню с шейным платком, ущипнувшему ее за зад. – Дурак!

От души оказалось настолько увесистым, что парень потерял равновесие и выпал из кресла

– Леня! – плаксиво заверещал он с пола. – Эта курва на меня руку подняла! Леня, порви ее!

Владелец баса прервал заказ и удивленно посмотрел на лежащего на полу кореша. Несколько секунд ему потребовалось на переваривание информации. Сильные, покрытые мелким рыжим волосом руки уперлись в край стола, поднимая мускулистое тело на ноги.

– Ты знаешь, что я щас с тобой сделаю? – многообещающе поинтересовался Леня и растянулся в наглой ухмылке.

На лице девушки появился испуг, и она сделала шаг назад, пытаясь уклониться от тянущейся к ней руки. Похоже, она уже не рада, что так резко прореагировала на щипок.

– Молодой человек, – двинулся в сторону дебоширов бармен. – Пожалуйста, покиньте мое заведение.

– Отвали муило, – не поворачиваясь, буркнул Леня и красноречиво хрустнул пальцами.

Он как большая, покрытая курчавым рыжим волосом горилла надвигается на перепуганную девушку.

– Сдохни Машка, он Дубровский, – пропищал, поднимаясь с пола, парень в шейном платке в адрес бармена и растянулся в противной ухмылке. – Ленчик боксер. Сунешься – копи бабки на хорошего стоматолога. Лучше сразу менять всю челюсть.

Их третий кореш исподлобья осмотрел посетителей. Этого хватило, чтобы умолкли даже те, кто уже решился подать слабый писк протеста.

Посетители замерли, и, кажется, даже на время перестали дышать. И речи не может быть, о помощи официантке. Знаю я этих обывателей. Сейчас они сидят и тихонько трясутся, боясь стать эпицентром внимания трех придурков. Но зато потом, когда все закончится, они будут шумно обсуждать событие, давать друг другу советы и громко кричать, что если бы да кабы они не поленились и вмешались, то негодяи получили бы сполна. Естественно все эти слова будут звучать лишь после того, как за негодьями закроется дверь.

Такие людишки, не могу назвать их людьми, потому что боюсь оскорбить незначительную часть населения, которая еще вправе так называться, у меня вызывают отвращение. Они даже хуже таких вот придурков

Окружающий мир в одно мгновение перестал быть серым. Адреналин рванулся в кровь, и я ощутил сон наяву. Я снова почувствовал вкус жизни, увидел цель и самое главное – противника. Почти как на миссиях. Почти как во сне. Вот жаль, только нога осталась прежней.

Опираясь на костыль, я начал подниматься на ноги, точнее ногу. На меня никто не обращает внимания: ни посетители, ни официантка, ни дебоширы. Первые сидят, втянув голову в плечи и спрятав глаза – делают вид, что ничегошеньки тут и не происходит. Официантка медленно пятится под натиском рыжеволосой гориллы. Единственный, кто проявляет хоть какую-то активность – бармен. Он мелкими шажками, нет, не идет, приближается к троице. В его глазах плохо

скрытый страх, но все же он движется вперед. Единственный из всех.

Оценив ситуацию, делаю прыжок на одной ноге вперед, вскидывая костыль вверх. Леня, уже ухвативший девушку за блузку, успел краем глаза заметить движение слева от себя, но уже поздно...

– Получай! – выдыхаю, и костыль опускается на голову боксера.

Рыжеволосая туша грузно осела на пол. Разворот на одной ноге и как в бильярде тычковый удар в шар, то есть лоб парня в шейном платке. Громко клацнув зубами, он рушится назад вместе с креслом, в которое только успел усесться.

Третьего противника костыль достал, когда тот вскочил на ноги и резко сунул руку в карман. Голова у парня оказалась намного крепче костыля, но удар возымел эффект.

Душа переполнена радостью хорошо выполненной работы. Удивительно, но я подарил себе несколько мгновений счастья. Это конечно не сон, но все равно хмельное вино победы покрыло дно моего кубка.

Официантка смотрит широко раскрытыми глазами на три бесчувственных тела лежащих вокруг стола, не понимая, что произошло.

Тишина. Даже мурлыкавший магнитофон подавился касетой и заткнулся от удивления.

Снова начинаю себя чувствовать не в своей тарелке.

Нахлынувшая эйфория медленно уходит, оставляя после

себя привычную серую тоску. Может, зря я это сделал? Может, не стоило встречать, в общем-то, это и не мое дело было?

Неожиданно одна из студенток делает восторженное лицо и начинает хлопать в ладоши. Через секунду к ней присоединяются подружки. Еще секунда и аплодисменты заполняют бар, отпугивая смазливую юношу сунувшегося в двери. Не знаю, что он подумал, увидев в центре зала три тела и стоящего над ними на одной ноге мужчину с переломанным пополам костылем, но больше не заглядывал.

– Ба! – только и сказал бармен – Пять баллов!

– Почему? – подняла на меня по-прежнему полные осени глаза официантка.

– Хамы, – лаконично отвечаю и присаживаюсь на край стола. Чертовски неудобно вот так, как цапля стоять на одной ноге.

– Спасибо, – улыбнулась девушка.

А она действительно симпатичная. Даже более чем... Особенно улыбка. Как будто солнышко заглянуло в полумрак бара и одарило меня теплом и ласковым светом.

Невольно улыбаюсь в ответ:

– За что?

– Ну как за что? Ведь если бы не ты, даже не знаю как бы все закончилось. – Она в пол голоса добавила: – От этих помощи никогда не дождешься. Уткнул носы в тарелки, и как будто ничего и нет.

– Скажу честно, в первую очередь я сделал это для себя.
В ответ удивленно поднятые брови.

На мгновение я почувствовал себя героем. Восторженные взгляды смазливых студенточек ни одного мужчину не оставят равнодушным. Общая атмосфера уважения и восхищения. Но вот в чем-то, я даже не заметил в чем, взгляде промелькнула жалость и тут же, как чума наполнила бар, заражая сознание за сознанием. Восхищение и уважение мгновенно атрофировались под ее натиском. Я даже знаю, о чем они все думают. Эти фразы я слышал десятки, нет сотни, тысячи раз, сказанные и просто во взглядах, и очень не хочу слышать сейчас. Противно и хочется уйти.

– Счет, пожалуйста.

– За счет заведения, – растягивая слова, сказал бармен. – Наоборот, с нас причитается.

– Швабра.

– Что швабра? – не понял он.

– С вас причитается швабра, – только сейчас я заметил, что все еще сжимаю обломок костыля побелевшими пальцами, и бросил его на пол, где уже начал ворочаться владелец баса и великолепной шишки на затылке в придачу.

– Зачем швабра? Какая швабра?

– Лениво на одной ноге домой скакать. Надо же чем-то костыль заменить.

Капли дождя дробинками из небесного ружья тарахтят по лобовому стеклу выдавшего виды Вольво. Мотор заглушен. Дворники прервали свой монотонный танец, и устало улеглись на места.

Мы так сидим уже минут пять. Просто сидим и курим. До подъезда каких-то десять шагов, но мне почему-то не хочется покидать уютный салон и виной этому не только то, что снаружи сырость и грязь.

Как это не удивительно, но бармен, оказалось, что его зовут Михей, по крайней мере, именно так он представился, не смог подыскать мне достойной замены покойному костылю. Тонкая дюралева швабра сложилась пополам при первом же нажиме. Это тебе не солдатская швабра с древком из молодой березы, которой я отдраил не один десяток километров казарм. Михей только развел руками, признавая свою беспомощность. Инициативу перехватила официантка и через несколько минут доковыляв с помощью Михея до ее Вольво я оказался на переднем сидении. Машина завелась с полоборота и взвизгнув шинами по мокрому асфальту рванулась вперед. Девушка оказалась лихим водителем. Как на меня даже чересчур.

– Я пойду? – почему-то спрашиваю, выкинув окурок наружу через приоткрытое окно.

– Да, наверное, – неуверенно взглянула она на меня.

И снова молчание.

Удивительно, но в ее глазах нет жалости. Ни капли. С того

момента как я ее впервые увидел, там было что угодно, от злости до радости, но вот жалости не было.

– Как тебя зовут? – отважился я нарушить тишину.

– Ди.

– Ди? – переспросил я.

– Дина.

– А-а-а. Меня Дима. До Ди попрошу не сокращать. Путаница будет.

– Очень приятно, – одновременно сказали мы и тут же вместе расхохотались.

Как-то даже дышать легче стало. Спал витающий в воздухе напряг, и разговор нашел нужное русло.

– Тебе помочь домой добраться? – как бы между прочим поинтересовалась Ди.

– Если нетрудно. Чертовски неудобно скакать на одной ноге.

Она кивнула и понимающе улыбнулась.

– Ты где так научился драться?

– Десант, – отвечаю с неохотой. Не особо люблю об этом вспоминать. И уже с улыбкой, – А костыль это импровизация. Такого даже в восточных единоборствах нет. По крайней мере о стиле костыля я никогда не слышал. А вообще-то даже удобно. Я всегда при оружии. Попробовал бы обычный человек прогуляться по улицам с такой дубиной, моментом бы ребята в погонах интерес проявили. А с меня взятки гладки, костыль это не оружие, а средство передвижения.

Ди звонко рассмеялась. Не могу оторвать глаз от нее. Каждая улыбка девушки весенним лучом разгоняет осеннюю сырость в душе.

– И часто применять приходится? – поинтересовалась она.

– К счастью нет. Не смотря на военное прошлое, я предпочитаю защищаться, а не нападать.

– Там тебя? Горячие точки? – и опять никакой жалости в глазах, лишь уважение и что-то еще такое... мужское... как у ребят из нашего взвода после первого боевого крещения. У тех, кто остался в живых и не обмочил штаны заглянув в глаза смерти...

– Нет, – отрицательно качаю головой. – Холодные. Очень холодные.

– На Северном Полюсе служил? – не поняла Ди.

– Нет. В значительно более жарких краях изобилующих горами и свободолюбивым народом.

– Тогда все же почему холодные точки?

– Хорошая у тебя машина, – неловко выворачиваюсь.

Ди кивнула принимая мою отговорку.

– Машина не очень. Старушка. Да и не моя она. Вожу по доверенности.

– Мужа? – я постарался сказать это слово как можно спокойнее.

Затаив дыхание, жду ответ, надеясь, что он будет отрицательным. Почему-то мне очень не хочется узнать, что пол-

ные осени глаза уже дарят кому-нибудь любовь и обожание. Мне кажется, что я высохну от зависти, если все же...

– Нет. Я не замужем.

Я настолько шумно выдохнул, и столько радости и облегчения было в этом вздохе, что Ди странно посмотрела на меня.

– А чья же тогда?

Существует еще несколько вариантов, которые мне могут не понравиться.

– Вольво принадлежит моему брату. С тех пор как он... – Ди потускнела, словно вспомнила о чем-то тяжелом и горьком. – В общем, какая разница.

– Согласен. Никакой. А ты не боишься так ездить?

– Как так?

– Ну-у-у, скажем, чересчур лихо.

– Лихо и быстро чересчур не бывает, – невесело улыбнулась Ди. – Брат так всегда говорит. Он меня и ездить научил. А ты машину водить умеешь?

– Здесь нет.

– Это как? Тут умею, а тут нет? Так не бывает.

– Конечно, не бывает. Шутка, – с запозданием опомнился я.

Мне хочется стукнуть себя за избыток глупости. Это ж надо такое сморозить. Что мне теперь, рассказывать девушке, с которой еще и часа не знаком, о том, что на одной из прошлых миссий я лихо колесил за рулем трофейного грузо-

вика? Может вообще все рассказать? И наша первая встреча сразу же станет последней. Мало того, что инвалид, так еще и сумасшедший. Хотя какая разница первая-последняя. Неужели я действительно серьезно верю в то, что она заинтересуется мной и...

– Ты всегда говоришь загадками? – спросила Ди.

– Нет, только когда волнуюсь.

– Волнуешься?

– Волнуюсь, глядя в полные осени глаза на сказочном лице, – вырвалось у меня.

Как известно слово не воробей и это здорово огорчает.

– Кгм, – неловко кашлянула Ди и покраснела.

– Ум-м-м, – глубокомысленно замычал я так и не найдя что сказать и полез в карман за сигаретами.

– Может пойдем? – несмело предложила Ди и как-то особенно посмотрела на меня

– Пойдем? Куда?

Я совсем забыл, что машина стоит недалеко от моего подъезда, и еще несколько минут назад я собирался идти домой.

– Дима, ты как будто одновременно пребываешь в нескольких местах. Разговариваешь со мной и в то же время возвращаешься в каких-то совершенно иных сферах.

– Все нормально Ди. Нет никаких сфер. Просто у меня сегодня был тяжелый день, и я чуть не наделал массу глупостей, которые потом никак невозможно было бы компенсировать.

ровать. Ты обещала помочь подняться на мой этаж. Потопали.

Удачно сказанул. Компенсировать собственную смерть, по наступлению оной наверняка еще никому не удавалось.

– На какой? – спросила девушка, выйдя из машины.

– Пятый.

– А выше забраться не мог? – улыбнулась Ди и тут же сморщилась когда моя рука впиалась в ее плече.

Неторопливо выволакиваю ногу из машины. Она как на зло все время цепляется, за что ни попадя.

– Выше только крыша, а я не Карлсон, хотя идею с моторчиком можно было бы и перенять.

Ухватившись одной рукой за плечо Ди а второй за крышу автомобиля готовлюсь сделать первый шаг.

Первый шаг всегда самый тяжелый, но если его не сделать... тогда я просто перестану быть мужчиной. Жизнь это постоянная борьба, состоящая из множества таких вот первых шагов и шажков. Сейчас мне стыдно за свои утренние мысли... Хочется извиниться перед отцом за то, что я даже думал о смерти. Он бы такого никогда не понял и не простил, ибо самоубийство – трусость, попытка сбежать от трудностей реальной жизни, жалкая лазейка позволяющая прийти на финиш коротким, самым легким путем. Понятно, что все мы там будем, никто не вечен, но в данном вопросе более важен не результат а сам путь, пройденный с гордо поднятой головой, как и подобает мужчине. А любой путь начинается

с первого шага.

Сжав покрепче зубы, чтобы не вырвалось даже намека на стон, отпускаю автомобиль и оперевшись на Ди, неуклюже переставляю правую ногу. Боль! Какая боль! Хочется завывать во весь голос, чтобы задрожали стекла в бесконечном лесе пятиэтажек. Но я сильнее сжимаю зубы и двигаюсь дальше.

– Ты как? – спрашивает Ди, с беспокойством глядя на мое побледневшее лицо.

– Замечательно, – выдавливаю из себя улыбку. Надеюсь, что она выглядит как и подобает мимическому способу выражения радости. – Никогда с такой легкостью не ходил. Не хочешь какое-то время у меня костылем поработать? Бережное обращение гарантирую.

– Не торопи события, – насмешливо глянула на меня девушка.

Глава 4.

Внешнюю охрану Десятка снял, особо не напрягаясь.

– Лохи, – блеснули в темноте его зубы. – Не охрана, а детский сад. Спали как сурки. Откуда они таких отмороzków берут?

– В теплицах выращивают, – ухмыляюсь в ответ. – Рецепт простой – главное дерьма, пардон, удобрений побольше, и три раза в день поливать подогретым вином.

– Много текста, – недовольно буркнула Дама. – Пасть при-

крой Десятка! Пока медленно движемся вдоль стены. Вскоре должна показаться арка.

– А если им еще и сказки на ночь читать, то вместо отморозков могут получиться весьма интересные индивидуумы. Для примера назовем их...

– Шестерка, это тебя тоже касается!

– ...назовем их, элитой здешнего общества. Гегемонами полей, огородов и отморозков по ним шатающимся.

– Шестера? – вкрадчиво поинтересовалась Дама.

– Ась?

– В морду хочешь?

– Никак нет. Не хочу. Морда штука полезная, я на ней сверху не только шапку ношу, но еще и в нее ем. Морда, кстати, – визитная карточка человека. Что бы мы без нее делали? Опознавали друг друга по запаху? Но запах штука непостоянная, то одного поел, то другого...

– Закройся, и не твякай без надобности, – поставила точку Дама.

– Гав-гав. В смысле есть! – шутливо козыряю в ответ.

Сегодня она явно не в духе. Как-то странно на меня поглядывает. Нервничает. Раньше за ней такого не числилось. Обычно Дама спокойная какдохлый удав. Давнодохлый. Уже начавший нехорошо пахнуть.

– Шестера, ты чего сегодня такой веселый? – спросил Десятка.

– С девушкой хорошей познакомился, – мечтательно

вздыхаю.

– Уже трахнул? – оживился Десятка.

– Ты не исправим. А это обязательно?

– А что спрашивается тогда с ними делать? Солить? – удивился он.

Увесистая затрещина от Дамы заставила Десятку заткнуться.

Тихо крадемся вдоль высокой каменной стены. Где-то в стороне невидимая охрана обсуждает подробности недавнего пира. Гнусавый голос, перебивая рассказчиков, травит бородатый анекдот про жену, соседа и как всегда не вовремя пожаловавшего мужа. Забавно и анекдот из нашего репертуара и говорят опять же по-русски. Последнее одна из наибольших загадок. Совершенно чужой мир, загаженное до-нельзя средневековье а они премило общаются себе на современном русском как на родном. А может он и есть для них родной. А для нас?

– Где вход? – спрашиваю, повернувшись к Даме.

– Арку видишь?

Вглядевшись в темноту, отрицательно качаю головой:

– Нет. Нифига я тут не вижу. Ни тут, ни здесь. Темно как у негра в заднице и холодно, – поеживаюсь под порывами колючего осеннего ветра.

Легкие кольчужные доспехи натянутые поверх холщовой рубахи-подкольчужника не особо-то греют, скорее наоборот. Кажется, что я каждым квадратным сантиметром спи-

ны ощущаю холод идущий от стальных чешуек. И тут осень. Как она мне опостылела.

– Везде-то вы были, все-то вы знаете, – шепотом поддел Десятка и, судя по издаваемым звукам начал наводить марафет в обмундировании. – Раз холодно, значит негрдохлый.

Вот уж выпендрожник и позер. Он и в реальной жизни такой? Интересно, обидится, если спрошу? Надо только будет выбрать момент, когда Дамы не будет рядом.

– За мной слепые котятта, – рассержено прошипела Дама. – Лучше б вас в помоях утопили. И ни звука, если шкура до рога.

– Помои это вульгарно, – глубокомысленно изрекаю. – А топить котят как минимум не гуманно, хотя и оказывает положительное влияние на регуляцию популяции...

– Слышь ты, популяция регуляции? Еще раз мяукнешь, я окажу на твою популяцию такую регуляцию, что о положительном влиянии навек забудешь. Понял?

Объяснение вполне доходчивое даже для меня. Сути не понял, но звучит убедительно.

На всякий случай вытаскиваю из ножен короткий метательный нож и следую за ней. Справа мелькнула какая-то тень, и я сразу же заносу руку для броска.

– Да я это, я! – перепугано шепчет Десятка. – Смерти моей захотел?

– Вы еще дуэтом спойте! – шипит Дама. – Тут у вас слушателей будет вдоволь. Оценят. Молчать уроды!

Сапоги на мягкой кожаной подошве беззвучно ступают по камням мостовой. Все оружие увито тонкими войлочными лентами, чтобы не бряцало. Мы движемся сквозь спящий городок как три ночных призрака... Нет, вру, конечно все не так красиво. Сегодня мы работаем из рук вон плохо. Не-то настроение такое, не-то звезды в какую хитрую позу стали. Шума от нас как от цыганского табора. В общем, то, что нас еще не поймали заслуга исключительно местной охраны, больше любящей вино и анекдоты чем службу.

Бледная луна вылезла из туч, одарив мир под собой мертвенным светом. А вот это зря. Оно хоть и виднее, но в то же время и нас видно.

– Хоть бы оружие серьезное дали, – капризничает Десятка, с презрением взглянув на мой нож. – Такими цацками тушканчикам обрезание делать, а не войну воевать.

– Сколько раз повторять, – поворачивается Дама, – ваше снаряжение всегда точная копия изделий среды, в которой работаем. Мы ничем не должны выделяться.

– Даже после смерти, – угрюмо добавляю.

– После смерти нечему будет выделяться, – сказала Дама и тут же осеклась, как будто сболтнула лишнее.

На этот раз миссия несколько необычная. Мы должны похитить сына какого-то местного не то царька, не то королька и доставить его отшельникам Серебряных гор.

Как всегда мы знаем лишь свою задачу, не имея ни малейшего представления, зачем и кому это нужно. Подобные во-

просы Даме задавать бессмысленно – пошлет подальше вот и весь разговор.

Вот и арка – здоровенное отверстие в стене сложенной из нетесаного камня. За ней должна быть дверь, потом коридор с двумя охранниками, еще одна дверь и, наконец, спальня маленького принца. В общем, не охрана, а толпа вооруженных до зубов мухобоев. И как их царек-королек не поразгонял за бесполезность? Кому спрашивается, нужна стража, мирно дрыхнувшая пока ее режут?

– Напоминаю, – назидательно шепчет Дама, – ребенок должен остаться жив.

– Почему нас только трое? – не сдержавшись, спрашиваю у нее. – Раньше ведь замена всегда появлялась на следующей миссии.

– Не ваше собачье дело. Ваше дело выполнять мои приказы.

– А твое дело?

Дама задохнулась от злости, услышав мой вопрос, но так ничего и не ответила.

Из-за угла здания, громко бряцая железом доспехов, как тройка быков колокольчиками на шеях, появился ночной патруль.

Дальнейшие действия расписаны чуть ли не по секундам.

Одновременно с Десяткой бросаемся вперед. Охранники даже и не поняли, что произошло, как уже были мертвы.

– Как по маслу, – довольно шепчу, вытирая нож о плащ

поверженного врага.

– Рекомендую для этого дела специальные кремы, – заблестел улыбкой Десятка. – Я особенно клубничный ароматизированный люблю.

– Крем это хорошо, – мечтательно улыбаюсь и облизываюсь. Желудок, наполненный не пойми чем соглашается. – Малиновый люблю, со сливками. Главное, чтобы густой был. Воткнешь вот так в него палец, а потом медленно слизываешь. Благодать.

Из темноты дико глянули глаза Десятки:

– Ну Шестера ты прямо маньяк.

– Вкуснятина, – я все еще под впечатлением воспомина-
ний детства.

– Так ты про который едят? – разочарованно протянул Де-
сятка.

– Ладно, хватит трепаться, – выдергиваю себя из кулинар-
ного рая воспоминаний. – Пошел я стражу у дверей в спаль-
ню сниму.

Бесшумно отворилась тяжелая деревянная дверь усилен-
ная медными полосками.

– Кто? – раздался грубый голос из подсвеченного чадны-
ми факелами полумрака коридора.

Две высокие фигуры, закованные с головы до ног в доспе-
хи, замерли как железные изваяния у двери в противополож-
ном конце коридора.

– Что? – как бы не расслышав, переспрашиваю и широко-

ми шагами иду к ним.

– Кто?

Поднимаются на уровень груди, поблескивающие в свете факелов трезубцы. Сквозь прорези в шлемах на меня изучающе смотрят глаза стражников. Оттуда же струится тяжелый сивушный дух. Удивительно, что при таком выхлопе в коридоре еще воздух не горит. И вообще, у них тут что, типа замок или вытрезвитель? Хотя бы одного трезвого увидеть.

– Конь в пальто!

Резким движением руки отправляю метательный нож в прорезь шлема правого стража. Увернувшись от метнувшегося к голове трезубца, падаю на колени, одновременно выхватывая из ножен на спине короткий кривой меч. Широкое лезвие неприятно скрежещет по латам стражника, добираясь до плоти.

– О-о-хх, – простонал страж, опускаясь на колени рядом со мной. – О-о-о, – и дернувшись затих.

Стараюсь придержать тяжелое тело, чтобы стальные доспехи не загремели, ударившись об каменный пол.

– Чисто, – шепчу в сторону входной двери, и пара темных силуэтов сразу же оказывается в коридоре.

Железная шипастая перчатка Десятки хлопает меня по плечу:

– Ты что, стоя на коленях в любви им признавался? Прямо как Девятка... – он осекся под моим взглядом.

– Не надо так... Не надо, – твердо говорю ему глядя в гла-

за. – О мертвых...

– Хватит, – это уже Дама встряла. – Десятка действуй.

– Я бы действовал, так ты ведь против. Ты даже не знаешь от чего отказываешься. – Он многозначительно подмигивает, поправляет приплюснутый шлем и скрывается за дверью.

Дама сердито пробормотала что-то насчет того, что для многих мужчин ампутация определенной части тела пойдет на благо – больше крови в высыхающие мозги поступать будет.

Сейчас Десятке предстоит самая легкая часть работы – оглушить старушку-сиделку и забрать ребенка. Плевое дело...

– Тварь! – неожиданно взвыл приглушенный неплотно прикрытой дверью голос Десятки. – Стервозина! – а вслед за ним пронзительный детский плач.

Вот тебе и плевое дело.

Одновременно с Дамой врываемся в комнату и застываем на пороге, готовясь принять схватку с противником, которого здесь не должно быть. В ее руках широкий двуручный меч с гардой в виде лап мифического зверя увитых виноградной лозой, по лезвию разлилась тонкая вязь непонятных рун. Тяжелое оружие, больше подошло бы мужчине. Хотел бы я увидеть того, кто скажет это Даме. Она бы его тут же, этим же мечом... А потом скажет что так и было.

Несколько вонючих ламп, стоящих на высоких железных треногах, наполняют большую комнату с резной колыбелью

в центре дрожащим желтым светом. Краснеют угли в большом камине украшенном несуразной лепкой. Стены задрапированы не то выцветшими гобеленами, не то просто покрытыми художественными разводами грязи прямоугольниками толстой ткани. При таком освещении не разобрать.

В колыбели, суча голенькими ножками, захлебывается в плаче ребенок, на половину придавленный телом костлявой старухи в черном сарафане. Рядом на полу лужа крови и судорожно дергающийся Десятка. Больше ни души.

Дама бросается к ребенку, я к Десятке.

– Десятка? – прижимаю к полу бьющееся в конвульсии тело красавца. – Куда ранили?

К сожалению, в этой миссии у нас нет боевых аптечек. Все лекарства сводятся к холщовому свертку с каким-то набором народных средств. Всякие там мази, травки-муравки, сушеное дерьмо летучей мыши пойманной девственницей над кладбищем в полнолуние и умерщвленной путем запугивания до смерти оной же девственницей, и прочие глупости. Я испытываю большие сомнения, что все это шаманское хозяйство хоть какой-то помощник даже при лечении банального насморка не говоря уже о ножевом ранении.

– Это ее. Ее, – хрипит он, выгибаясь дугой. – Стер... стерв... Ох-х-х. Как больно. Жжет!

– Что ее?

– Ее кровь, – на его губах появляется пузырящаяся пена. – Стервозина! Сдохнуть от руки бабы...

Он захлебывается кашлем, и на грудь выплескиваются клочья пены.

Стаскиваю с Десятки шлем и, придерживая голову на весу, чтобы случайно не ударился затылком о каменный пол, вытираю пену рукавом холщовой рубахи.

– Что она с тобой сделала?

– Шестерка уходит, – раздается из-за спины голос.

Дама с вопящим младенцем, завернутым в покрытое пестрой вышивкой покрывало уже у двери.

– Но Десятка?

– Ему не поможешь, – она безразлично пожимает плечами. – Скорее всего, у старухи был отравленный ноготь. Здесь это практикуется. Противоядия не существует. Он сгорит изнутри.

Пики гибли и до этого. Но раньше я воспринимал смерть всего лишь как издержку нашей работы, как неизбежность. Сейчас во мне как будто что-то сломалось. Передо мной на полу лежит не просто солдат Десятка, выполняющий свою работу, не просто карта пиковой масти из жиденькой колоды... передо мной человек... человек, который как и я умеет любить, страдать, ненавидеть...и хочет жить. Любить? А я знаю, что это такое? Что я ощущаю кроме ненависти и безысходности там, дома, в кажущейся беспросветной серости? Что у меня есть там кроме снов... Снов, в которых я полноценный человек... Снов в одном из которых умирает Десятка?.. Снов, которые кажутся иллюзией лишь там, здесь

же это реальность, суровая и жестокая. Я знаю, что стоит мне хоть раз оплошать, не выполнить приказ, сорвать миссию, и я буду лишен этой иллюзии навсегда. Я буду стоя на коленях умолять бездушные стены своей квартиры, буду биться о них головой лишь бы снова вернуться сюда, почувствовать себя полноценным воином, увидеть цель, ощутить жизнь и смерть. Но бросил бы я раненого друга там, в реальном мире? Бросил бы? Даже если приказал мой командир? Никогда! Тогда почему здесь я должен поступать иначе? Я один и тот же и там и здесь. Отличия лишь физические. Там – я инвалид, вызывающий жалость, здесь – превосходный солдат, одаренный Хозяевами необычными умениями и знаниями. Но ведь душа везде одна и та же. Человек – это не только телесная оболочка, человек это нечто большее.

– Я его не брошу! – во мне просыпается злость на Даму и ее безразличие. – Он же один из нас!

– Он всего лишь один из нас. И не более, – она перехватывает ребенка поудобнее. – Быстрее, а то через минуту здесь вся гвардия будет.

Для того, чтобы понять другого нужно всего лишь поставить себя на его место, увидеть мир его глазами, застилаемыми погребальным саваном, ощутить сжигающий изнутри огонь, почувствовать леденящее дыхание смерти на лице.

– Ничего Десятка, не дрейф. Я тебя вытащу.

– О-о-ох! Больно! Жжет внутри. Шестера ты точно меня не бросишь?

– Конечно, не брошу.

– Но Дама... О-о-й! Горю! Ты нарушаешь ее приказ... можешь потерять сны... мне все равно труба...

– Это не повод, чтобы бросать партнера в беде. Конечно, я боюсь их потерять. Они дороже собственной жизни.

Уже во второй раз за последнее время я совершаю непростительную с точки зрения карт глупость. Сперва пожалел врага – не пойми зачем оставил в живых вожака волков, теперь вот пытаюсь вытащить коллегу, ставя своим поступком под вопрос выполнение миссии.

Сцепив зубы, вскидываю тяжелого Десятку на спину. С таким грузом не повоюешь, но все равно я его не брошу. Оставлять своих на поле боя это подло. Я не знаю, как поступил бы он на моем месте, может, оставил бы меня подыхать в конвульсиях, но знаю точно, что я его вытащу. Во что бы то ни стало, вытащу.

– Брось, мразь! – острые стрелы небольшого самострела смотрит мне прямо в глаз. – Брось, кому сказала!

– Уйди с дороги! – хриплю под тяжелой ношей, которая не перестает дергаться и что-то бормотать. – Или стреляй или уйди.

– Дама, не трожь его. Он святой, – шепчет в горячке Десятка. – Он меняет свои сны на мою жизнь. Святой! Как все печет. Потушите огонь.

Я уверен, что она не выстрелит. В одиночку, да еще и с ребенком на руках из замка не вырваться и до Серебряных

гор не добраться. Дама никогда не поставит на кон успешное выполнение миссии.

– Держись, – шепчу лежащей на моем плече голове Десятки. – Не вздумай умирать.

– Жжет. Огонь в груди, – бормочет он. – Больно...

– Держись красавец! Тебя твои девки дожидаются. На кого же ты свой гарем оставишь? – неуклюже пытаюсь его утешить. Знаю, что несу чушь, но ничего более умного в голову не приходит.

– Какие девки? – хрипит Десятка.

– Они же без твоей смазливой мордочки и того, за что еще они тебя любят, не проживут, зачахнут как розы без садовника.

– Ты этого сам захотел! – блеснули холодной сталью бесцветные глаза под козырьком шлема, и палец нажал курок.

В последний миг я понял ее замысел и рванулся в сторону, но не успел. Короткая стрела с белым оперением вместо того, чтобы воткнуться в незащитный затылок Десятки, глубоко вошла ему в основание шеи. Из его рта на мои доспехи хлынул фонтан крови. Не глядя на Даму, опускаю Десятку на пол.

– Десятка? – растеряннo шепчу, глядя на ставшее красным оперение стрелы. – Как же так?

Он что-то шепчет захлебываясь кровью.

– Сер... се...

– Что? – склоняюсь к самому лицу, пытаюсь разобрать

невнятную речь.

– Сере... Серега меня зовут, – с бульканьем вырвалось из его груди. – И гарема у меня... нет. Совсем. Горел я Шестера, – он приоткрывает полные боли глаза. – В танке горел.

– Я не Шестера, – говорю в полный голос. – Меня зовут Дмитрий.

– Ты святой Димка.

Десятка улыбается сквозь боль и тянет ко мне руку, собираясь пожать. По телу прошла волна конвульсий и, обмякнув, рука упала на грудь.

Не знаю зачем,жимаю перепачканную в крови ладонь Десятки, нет не Десятки – Сергея и закрываю ему глаза.

Меня разрывают на части противоречивые чувства. С одной стороны – хочется положить Даму прямо здесь, рядом с Сережей, оплатив за него по счету. С другой – довести миссию до конца и вернуться домой, в ожидание нового сна. Хотя, не уверен, что после сегодняшних событий я чего-то дождусь. Второе подряд нарушение, можно сказать, священных правил это чересчур.

Надо взять себя в руки и успокоиться. Смерть Сереги это всего лишь смерть во сне и не более. Наверняка он сейчас там, у себя дома вскочил на кровати, и ошалело вертит головой, пытаясь понять, что произошло. Конечно, ему не позавидуешь. Потеря снов это самый большой кошмар карты. Не будет больше ни миссий ни экстрима... Будет лишь обыденная серая жизнь. Если у него реальность подобна моей, то

он заслуживает жалости... Нет, не жалости. Жалость унижительна. Заслуживает обычного человеческого понимания.

– Шестерка!

– Меня зовут Дима и никак иначе! Запомни это! – рывком вскакиваю на ноги, ожидая увидеть нацеленный самострел. Времени на перезарядку у нее было более чем достаточно. Сейчас Дама уже раздумывать не будет – в моих глазах столько ненависти и жажды смерти. У нее не будет выбора... Либо она либо я. И плевал я на сны!

– Хорошо, Дима, – неожиданно устало звучит ее голос.

Двумя руками она прижимает к груди хнычущего ребенка. Сейчас Дама похожа на обычную усталую тетку. Бесцветные глаза полны тоски, а в том, как она удерживает мальчика, гладит его по головке, пытаюсь успокоить, замечаю невидимые ранее материнские черты.

Мои ладони ложатся на рукоятки мечей-близнецов крест накрест закрепленных на спине. Медленно, как бы раздумывая, руки движутся вверх, выпуская на свободу широкие кривые лезвия.

– Дима, мы должны довести дело до конца – доставить ребенка отшельникам Серебряных гор, – тихо говорит Дама, боясь испугать притихшего малыша, залюбовавшегося блеском моих мечей в желтом свете ламп.

– Я никому и ничего не должен.

Шаг навстречу.

Мальчик смотрит на меня любопытными черными глазами.

ками. Ему, наверное, около года, а может и меньше.

– Ты не понимаешь, – пытается образумить меня Дама.
Шаг.

– Я не хочу ничего понимать!

В коридоре раздается топот ног и бряцание оружия. Похоже наше присутствие здесь уже ни для кого не секрет. Дама захлопывает дверь и задвигает тяжелый засов. На какое-то время эта преграда задержит стражу. Хотя какая теперь разница.

Еще шаг.

Ребенок радостно улыбнулся и протянул ко мне руки, что-то радостно пропищав.

– Предлагаю сделку, – торопливо предложила Дама, воспользовавшись моим замешательством. – Мы выбираемся отсюда, и я рассказываю тебе все, что знаю о кухне снов. Наверняка у тебя накопился не один десяток вопросов.

Вот он шанс получить ответы на все вопросы, неоднократно задаваемые мысленно и вслух. Разобраться со снами, смыслом миссий, узнать о Хозяевах и о нас. Кто они были – бульдозер-Семерка, бухгалтер-Восьмерка, романтик-Девятка и бабник-Сергей? Но где гарантия, что меня не обманут? Как я смогу проверить достоверность информации? Дама лошадка темная...

– Клянусь! – очень серьезно говорит Дама, заметив тень недоверия на моем лице. – Снами клянусь.

Последняя фраза как бочка пороха разнесла в щепки

невидимую преграду, всегда разделявшую рядовые карты и Даму. Больше нет никакой субординации. Мы равны. У нас общий смысл жизни – сон. И ради этого смысла мы будем сражаться как звери в этом самом сне, чтобы снова в него вернуться, просыпаться и жить надеждой на скорое возвращение.

– Ребенка укутай. Снаружи холод собачий, – говорю Даме.

В дверь раздается тяжелый удар, с потолка сыплется пыль. Похоже, стража уже успела таран притащить. Оперативно, черт возьми! Второй удар пришелся по деревянным ставням окна, расположенного напротив двери. На голову упал кусок штукатурки и, расколовшись о гребень шлема, песчаным дождем посыпался за шиворот и на лицо.

– Дятлы! – комментирую, протерев глаза.

– Быстрее соображать надо было, Дима, – осудительно смотрит на меня Дама. – У нас был шанс тихо уйти, но ты все испортил. Теперь стража снаружи наготове.

– Ничего, что-нибудь обязательно придумаем.

Похоже, что, скорее эта домина, как они гордо ее называют – замок, развалится, чем сдадутся двери и ставни. Замок! Курам на смех! Двухэтажное неуклюжее здание из камня с покосившейся башенкой, на вершине которой гордо реет треугольный вымпел, окруженное крепостной стеной в виде косоугольного четырехугольника. Замок блин! Насмотрелся я на него за вечер сидения в кустах, полных грызучих комаров, на склоне близлежащего холма. Комары у них тут ди-

кие и морозоустойчивые. Даже дурно пахнувшая мазь, которой мы умазались с ног до головы, на них не подействовала. В результате к мукам кусания и чесания, как результата кусания, добавился еще и дискомфорт от мыслей по поводу ингредиентов входящих в состав мази.

Гуп – это в двери.

Гуп-гуп-гуп-гуп – это в окно.

Второго тарана видимо не нашлось, вот и лупят в форточку, чем попало. Хорошо все-таки, что они еще порох не изобрели.

– Ну, придумал? – поинтересовалась Дама, закончив укутывать малыша.

Видимо я стоял со столь глубокомысленным выражением на лице, что она решила, будто я занимаюсь разработкой стратегического плана побега из этого строения, у меня язык не поворачивается его замком назвать, скорее уж благоустроенный курятник. Хотя если писать и какать в серебряные горшки, а потом их содержимое выплескивать за крепостную стену, то это благоустроенностью тоже не назовешь. В общем обычное грязное и вонючее средневековье, полное болезней, войн и свирепых комаров.

– А еще клопы присутствуют, – мрачно изрекаю, почувствовав мерзкий укус где-то в районе правой подмышки, и начинаю свирепо чесаться.

Похоже, что мазь действует только на людей и по принципу – клин клином вышибают – находясь в такой вонище че-

ловек, будет больше озабочен добычей чистого воздуха, чем какими-то там укусами.

– При чем здесь клопы? – сердито хмурится Дама. – Какие могут быть клопы, если у нас миссия на грани провала?

– Обыкновенные. Кусучие и черта с два уловимые. Скачут по мне как кенгуру и жрут без разбору.

– Забудь о кенгуру, думай о деле. Мы можем попробовать сыграть роли подоспевших вовремя стражей. Десятку выставим вражеским шпионом. Если провернуть фарс быстро может получиться. Потом изображаем суматоху и спешим показать ребенка венценосному отцу. По пути ты отсекаешь хвосты. Прорываемся к конюшне и на свободу.

– Не пройдет, – скептически смотрю на нее.

– Причина? – нахмурилась недовольная критикой снизу Дама.

– Здесь не настолько много народа. Солдаты наверняка помнят друг друга в лицо. В общем-то план ничего, но вот если хоть где-нибудь произойдет заминка, нас в порошок сотрут. И как мы сможем объяснить, почему так долго не открывали дверь не смотря на настойчивые просьбы?

– Твои идеи? – поинтересовалась Дама после краткого раздумья. Мои доводы оказались для нее убедительными.

– Не так быстро. Я думаю.

– А быстрее это делать можно?

– Отвлекают всякие от мыслительного процесса, – недовольно киваю в сторону двери.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Ребята молотят, как по щелчкам метронома, хоть секундомер сверяй.

Неожиданно у меня на лице появляется озорная улыбка, столь неуместная в данной ситуации. И мыслишки соответствующие тоже по голове забегали.

Подхожу к одному из коптящих светильников и с натугой отрываю от пола. Из чугуна они их делают что ли? Задуть осветительный агрегат удастся лишь с третьей попытки. В отместку он пустил мне в лицо струйку зловонного чада. Разгоняю ладонью дым и принохиваюсь. Похоже на нефть, или что-то очень близкое. Примитивы! Не удивительно, что у них в помещениях такая вонища стоит. Или это от мази? Наверное, по совместительству эти светильники работают еще и кумигаторами – распугивают насекомых. Теперь перелить темную маслянистую жидкость в светильник стоящий в центре комнаты у изголовья колыбели.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Судя по затяжным паузам, молотят с разгона. И снова шуршит штукатурка с потолка. Двери и ставни настолько серьезные, что я практически не различаю голосов снаружи, лишь монотонный гул.

Так, теперь второй светильник. Дама и ребенок с любопытством наблюдают за перестановкой мебели.

– Прости Сережа, – поднимая с пола тело и ташу в угол к опустевшим светильникам. – Я знаю это кощунство но, к сожалению, ничего другого придумать не могу. Тебе уже все равно, а нам твой труп службу сослужит. Врага на пару мгновений отвлечет и нам шансов добавит.

Подпираю светильниками тело, пытаюсь придать ему более-менее естественную позу. Теперь привязать шнуровкой от кольчуги к одной кисти меч, а к другой самострел. Приплюснутый шлем надвинуть на лицо. Залитое кровью тело старухи положить к его ногам. Делаю несколько шагов назад и оцениваю свой труд. При наличии хорошего воображения повисший на светильниках труп можно с трудом принять за приготовившегося к атаке солдата, а лежащую у ног старуху за первую его жертву. Надеюсь, что сработает.

Гуп.

Пауза.

Гуп-гуп-гуп-гуп-гуп-гуп.

– Фальшивите. Нехорошо, – бурчу под нос, задувая последний светильник в комнате, если не считать центрального, он останется рабочим, и переливаю в него же всю горючку. Получилось под самый верх.

– Мультики любишь? – интересуюсь у Дамы.

– Да, – с недоумением смотрит она на меня.

– Том и Джери.

– Это мои любимые, – на ее лице появляется мечтательная улыбка.

Такое впечатление, что рядом со мной находится не привычная резкая и жесткая Дама. Изменилось все: жестикуляция, холодный прищур глаз, даже слова стали мягче.

– Помнишь, была такая серия... – начинаю изложение своей идеи.

– Это еще более рискованно чем предлагала я. В случае неудачи нас не выпустят из этой комнаты, – неуверенно говорит Дама.

План ей точно не нравится. Мне тоже. В случае неудачи нас не просто не выпустят из этой комнаты, нас по стенкам размажут вместе с анализами, противокмаринной мазью и клопами. Никакие способности и знания не помогут.

– Согласен. Но если на начальном этапе сбоев не будет, мы обеспечим себе более-менее спокойный отход.

– Главное чтобы отход состоялся за стену, а не на тот свет, – проявила Дама ранее незамеченное чувство юмора.

– В крайнем случае завалим миссию. Ну потерям сны... Жили ведь как-то раньше и без них. Тяжело конечно будет... – Я успокаиваю скорее себя чем ее. И совершенно не верю в свои слова. Даже при одной мысли о потере снов становится нехорошо и серый колпак, такой палачи надевают висельникам, опускается на голову, лишая мир красок и ощущений. – Смерть это конечно не приятно. Не думаю, что мне понравится без головы или еще чего. Но ведь это все временно. Помучаемся маленько, и проснемся дома в своих кроватках

живехонькие.

Дама насмешливо глянула на меня, покачала головой, но ничего не сказала.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Главное, чтобы я ни в чем не просчитался. Если вдруг что пойдет не так, то такую толпу народа, а я уверен, что их там табун и маленькое стадо, мы не раскидаем. Пусть мы и круче, но на их стороне банальный весовой перевес. И драться они будут по взрослому, за принца все-таки.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Отодвигаю засов на ставнях и одним движением распахиваю наружу, не выпуская половинок из рук. От увиденного, я аж присвистнул. Под окном тусуется по меньшей мере десятка три вооруженных до зубов солдат закованных в броню. Мое появление, как кукушки из часов оказалось для них полной неожиданностью.

– Эй, любители козьих экскрементов! – выкрикиваю в ошалелые лица и мгновенно захлопываю тяжеленные ставни.

Только после того, как лязгнул засов, я вздохнул свободно. Судя по реакции снаружи, с импровизированным оскорблением я угадал – туземцы конкретно обиделись. Не думаю, что местные интеллектуалы поняли, что такое экс-

кременты, но реакция правильная. Такое впечатление, что все три десятка солдат молотят по ставням, чем придется. Шум невероятный.

Теперь второй этап. Дама с ребенком на руках занимает мое место у окна, настороженно вслушиваясь в неистовую работу мобилизованных барабанщиков исполняющих не то чунга-чангу не то козачок, а я перебираюсь к дверям.

Гуп.

Дверь вздрогнула от поцелуя тарана. Петли и засов потихоньку сдают свои позиции. Выглянули из своих ниш шляпки гвоздей, перекосилась одна из удерживающих засов скоб. Конструкция может выдержать еще довольно долго, но все же рано или поздно рухнет под натиском тяжелого тарана. Мы могли ждать до этого, последнего момента, но чего? Лучшая защита – нападение.

Поднимаю руку, готовясь дать сигнал. За дверью раздается шум, напоминающий гул выкатывающейся на берег штормовой волны. Он ближе. Ближе. Еще ближе. Пора!

– Давай! – кричу во весь голос и распахиваю дверь настежь.

Однажды в детстве я на спор до дрожи в коленях стоял на железнодорожной колее глядя на несущийся на встречу, истошно гудящий локомотив. Вот и сейчас то же самое. С подбадривающим ревом, бряцая доспехами и наполняя воздух запахом усилий на меня по узкому коридору мчится десяток

здоровенных мужиков со всех сторон облепивших толстенное бревно с уже основательно расплюснутым концом. Резво отскакиваю в сторону, и вошедшие во вкус мужики, похоже даже не заметив отсутствие двери на привычном месте, как тот локомотив из детства, проносятся мимо, на ходу сметая детскую колыбель, и переполненный горючкой светильник. И с этого момента начался запланированный мною ад. Воспламенившаяся жидкость, а ее там было не менее литров пяти, веером выплескивается на гостей. Теплые плащи, брошенные за спины, вспыхивают в сумраке комнаты гигантскими светлячками. Не ожидавшие такого горячего приема мужики попытались остановиться, но не тут то было. Физика! Инерцию еще пока никто не отменял. Тяжеленный таран и его эскорт, окутанные вихрем пламени не сбавляя скорости, продолжили свой путь прямо в предусмотрительно распахнутое Дамой окно. Все как по нотам, которые, между прочим, написаны именно мной. Каково же было удивление уличной толпы обрадовано сунувшейся в неожиданно открывшееся окно не маленьких размеров, когда оттуда как чертик из табакерки выпорхнул пылающий таран, тянущий за собой несколько людей-факелов орущих так, что любому черту завидно бы стало.

Теперь наступила наша очередь.

Выхватываю из заплечных ножен оба меча и, хорошенько разогнавшись, делаю кувырок в окно, пролетая над горящими неудачниками, умудрившимися в нем застрять. Бла-

го здесь окна высокие. Лицо щекочит язычки огня. Уши наполняют дикий рев обгоревших и тех, на кого обрушилось тяжелое бревно. Под окном неимоверная суматоха, граничащая с паникой.

– Бей врагов! – вношу свою лепту в хор воплей и неразборчивых возгласов.

Огонь попадает на очень удачно расположенный стог сухого сена и сразу же на встречу блеклым звездам вздымается переливающийся протуберанец, отбрасывая причудливые тени от мельтешащих силуэтов.

Руки работают как крылья у ветровой мельницы расчищая путь Даме с ребенком. Она одной рукой прижимает малыша, а другой виртуозно орудует тяжелым мечом. На ее лице азарт и радость. Дама счастлива, упивается процессом и чувством собственного превосходства. Меч выписывает круги, раздавая смерть налево и направо. Скрежещут под разящей сталью доспехи, вываливая наружу содержимое. Дама как будто вскрывает банки бычков в томате большим консервным ножом.

– Кх-р-р-р, – скрежещет банка, и томатное содержимое забрызгивает кольчугу.

И так банка за банкой. Банка за банкой.

Противник деморализован и напуган. Обезумевшие лица полны суеверного страха. Кто-то заорал, что принца украли демоны Шандаля карающие огнем. Вопль внес еще большую сумятицу в хоровод тел и облегчил работу.

Большинство солдат даже не пытаются сопротивляться, они просто покорно принимают смерть и становятся новыми лоскутками кровавого ковра устилающего двор замка.

Мимо меня с жалобными стенаниями, разгоняя ночь огненным шлейфом, пробегает воин. Я могу одним движением кисти облегчить его страдания, но не делаю этого. Этот несчастный один из очагов паники, а она нам сейчас ох как необходима.

Дорогу заступает полный мужчина с окладистой бородой выглядывающей из-под шлема. В его руках занесенный для удара двухсторонний топор с щербатым лезвием. Он делает обманный жест и наносит удар снизу. Гудящее лезвие проносится на волосок от моего беззащитного подбородка. По спине пробегает легкий холодок миновавшей смерти. Если бы я не качнулся самую малость назад, вовремя разгадав его замысел... получил бы раздвоенный подбородок... до самых бровей. Нет уж спасибо. Пластическая хирургия лица в планы не входит. Мордочка у меня хоть и так себе, не Ален Делон конечно, но, по крайней мере, не шарахаюсь от собственного отражения. А с таким подбородком я лицо с другой частью тела путать буду.

– Вж-жик – говорят соприкоснувшиеся лезвия мечей как ножницы, отделяя бородатую голову от туловища.

– И нет пластического хирурга, – довольно констатирую кончину, покусившегося на мое лицо воина.

Оставляя за собой дорожку тел, добираемся до крепост-

ной стены.

– Конюшня, – перекрикивает Дама царящий во дворе гвалт. – Туда!

– Некогда, – ору в ответ и двойным ударом сношу седока с черного как ночь жеребца, заодно уклоняясь от просвистевшего над головой трезубца. – Залезай.

– А ты?

Дама попутно двумя взмахами делает себе ступеньку из зазевавшегося паренька с булавой и вскакивает в седло. Запах крови пугает коня, но как только властная рука перехватывает поводья, он сразу же успокаивается.

– Встретимся за воротами, – кричу, принимая на себя двух противников.

Первого пропустить мимо себя. Удар. Разворот. Удар.

Симфония боя наполняет душу радостью. Я чувствую себя чуть ли не поверенным костлявой старухи с косой, выполняющим особый заказ. Привычный наркотик наполняет кровь адреналином.

Я – зверь. Могучий и бесстрашный, рожденный убивать и служить Хозяевам. Я гильотина, управляемая ими. И это мне нравится. Ради этого я всегда с нетерпением жду сон, дающий силу и свободу дарить смерть и жизнь.

Уход с разворотом. Удар.

Левой блок, правой удар.

Кривое лезвие находит щелочку в прочных доспехах и на один лоскуток становится больше.

Как я люблю вот такой беснующийся вихрь смерти! Торжество и страх, паника и безудержная отвага смешиваются в нем, рождая гремучий коктейль под названием "война". Никогда и ничто не заменит эти ощущения. Все чувства и эмоции обыденной жизни это дорожная пыль по сравнению с тем, что получаю здесь.

Еще один противник. И слева приближается трое. Пора сматывать удочки, становится слишком горячо.

Обманный жест правой, и сразу же сильный с вытягом удар в горизонтальной плоскости. Лезвие рассекает кольчугу, погружаясь в тело. Несколько секунд использую конвульсивно дергающийся труп как щит. И очень кстати – неизвестно откуда взявшиеся две стрелы почти одновременно впиваются ему в спину.

Все. Пора.

Зигзагами бегу в сторону ворот, надеясь, что когда лучники снова наложат стрелы на тетиву, я буду уже за стеной. А там кромешная тьма и непролазные заросли.

Навстречу из темноты выскочила пятерка воинов с трехзубцами наперевес. Новенькие. Еще не помятые, не перепачканные сажей и с лицами, не изуродованными страхом. Наверняка еще не в курсе что тут происходит, к тому же на мне стандартное облачение охранника.

– Туда! – ору изо всех сил и делаю страшное лицо.

– Что происходит? – глухо звучит голос из-под шлема. – Мы охраняли ворота, но у вас здесь что-то такое творится.

– Двадцать солдат похитили принца! – Перепугано кричу и тыкаю пальцем в суматоху у горящего стога. – Они напали внезапно! Я за помощью!

– Поспеши, а мы пока их придержим, – кивнул воин.

– Они одеты как замковая стража, – ору дурным голосом, изображая страх.

– Но как их отличить?

– Пароль.

– Какой еще пароль? – не понял воин. – Мы отродясь не пользуемся ними.

– Мы между собой договорились, там, у спальни принца. Чтобы отличать друзей от врагов, – говорю, с трудом сдерживая улыбку.

– Умно. Какой пароль?

– Пароль – «ты придурок?» а правильный отзыв «да». Враги не знают о нашей хитрости и естественно отвечают "нет". Тут то мы их и рубим. – Еще секунда и я рассмеюсь. Думаю, это будет не кстати.

– Хитро придумали, – восхитился воин. – Спасибо что предупредил! Ну мы им сейчас всыплем! Вперед!

Показав язык одураченным жестянкам спешу к воротам.

Луна решила на какое-то время стать моим союзником, спрятавшись в мутных облаках. Навалившаяся темнота дает шанс на успешное улепетывание из этого суматошного муравейника.

До ворот остаются считанные метры. На пути никого. У

замка по-прежнему огненная неразбериха. Если так и дальше будет продолжаться, то на организованную погоню можно не рассчитывать. Ребята наверняка какое-то время будут сами с собой развлекаться. Немалую роль сыграет пятерка клоунов с вопросом «ты придурок?». Представляю, что они там натворят. Жаль сам не увижу. Интересно, что произойдет раньше, некоторые начнут говорить «да» или же скопом завалят эту пятерку как чужаков.

Лошадиное ржание за спиной заставляет обернуться.

– Вот черт! – в сердцах выдыхаю и прибавляю ходу.

Пяток всадников, пригнувшись к покрытым кольчужными попонами шеям коней, мчатся вслед, низко опустив длинные трезубцы к земле. Не смотря на суматоху и темноту, нарушаемую лишь сполохами пожара, они точно выбрали цель, не помогло даже то, что я одет идентично замковой страже, совпадают даже знаки различия на груди.

Как же они меня вычислили?

В этом поединке у меня не будет ни малейших шансов. Даже если удастся уклониться от трезубцев, слишком высока вероятность оказаться под копытами на узкой дороге.

Вот я и в арке ворот. Над головой нависает непонятно почему поднятая в такое время решетка, не для меня же старались, а впереди длинная узкая дорога с густыми зарослями колючих кустов по обочинам. Пробегаю еще немного, прежде чем остановиться и интенсивно верчу головой по сторонам. Можно конечно попытаться нырнуть в эту расти-

тельную гадость, но стоит застрять, замешкаться хоть на секунду... в общем заколют меня барахтающегося в колючках, как пить дать заколют. Наделают дырок в заднем крыльце по самое нехочу.

Значить встретим опасность лицом, а не другим местом как ранее.

Всадники на ходу перестраиваются в клин, чтобы не снижая скорости пройти сквозь ворота.

Все-таки неприятное ощущение стоять вот так, посреди дороги и смотреть, как на тебя накатывается волна смертоносной стали.

Я как неудачник серфингист, застывший с любимой доской под мышкой на пути у цунами. Очень удачное сравнение, особенно по конечному результату. Сам виноват – раньше улепетывать надо было, а то вошел во вкус, заигрался.

– Ну и хрен с вами, – сплевываю на землю и, положив мечи на плечи не спеша иду на встречу всадникам сокращая и так тающую с каждой секундой дистанцию.

Они уже уверены в своей победе. Им меня насадить на зубец, как пришить в консервной банке одинокую кильку. Старики говорят, что иногда и лопата стреляет, тогда почему бы в данной ситуации кильке не обзавестись острыми зубками и не оттяпать палец зазнавшемуся обжоре. По самые уши.

Мечи со звоном падают под ноги, уступая место метательным ножам.

Переступаю через лежащее в пыли оружие и иду дальше, не в силах оторвать взгляд от накатывающей волны. Одновременно красиво и страшно. Сила, мощь, скорость и как результат – моя смерть. Последний пункт мне нравится меньше всего.

Осталось шагов двадцать.

Еще мгновение и всадники пересекут линию ворот.

Бросок.

Мимо. Нож воткнулся в открытую створку ворот.

Бросок.

– Попал, – с удивлением изрекаю, глядя на опускающуюся с душераздирающим скрежетом и писком решетку.

Попасть в темноте с десяти метров в канат, удерживающий решетку на весу и при этом перерубить его пополам это большая удача, особенно учитывая обстоятельства.

Поворачиваюсь к воротам спиной не желая видеть, как всадники на полном ходу налетят на решетку. Ничего приятного в этом зрелище нет. Наверняка напоминает приготовление свежего томатного сока с помощью дуршлага. Жидкость сквозь дырочки вытекает, а вот гуща остается.

Удар. Скрежет металла об металл. Лошадиное ржание переплетается с человеческими криками. Сухой треск ломающихся костей и древков трезубцев.

Дикая ругань и жалобные вопли наполняют душу спокойствием и умиротворением. И снова этот раунд за мной. Надеюсь, что так будет пусть даже и не всегда, но хотя бы долго.

Очень долго.

– Смешались кони, люди... А были бы тормоза хорошие, ничего бы и не случилось. И вообще – не уверен, не обгоняй.

Я доволен собой и шумным финалом за спиной. Жаль, вот только то самое наркотическое состояние почти прошло. Облизываю пересохшие губы, смакуя последние капли уходящего кайфа.

– Ты чего тут посреди дороги торчишь? – раздался из темноты знакомый голос. – Ждешь пока жареный петух на горе раком три раза перекрестится?

– У одних оба полушария защищены шлемом, у других – кольчужными штанами, – парирую вопрос подъехавшей Дамы.

– Ты мне тут еще поразглагольствуй, – говорит она недовольным тоном. – Умник нашелся.

– Я не о тебе. Это все про них, – не оборачиваясь, тыкаю пальцем назад. – Я думал, ты меня бросила.

– Я тоже так думала, – хмуро замечает Дама. – Давай залезай. К завтрашнему вечеру надо быть у Серебряных гор.

Подбираю мечи и устраиваюсь у нее за спиной. Седло оказалось слишком тесным для двоих, поэтому я уже весь в предвкушении приятной поездки на костлявой лошадиной спине. Крепко обхватываю Даму за талию, и мы неторопливо трогаемся с места. От нее пахнет гарью, властью и ... женщиной. Да-да, именно женщиной. До сих пор я никогда не думал о ней как о представительнице слабого пола, ей даже

эта формулировка не подходит. Дама она и есть Дама. Высокомерная, властная, порой грубая и жестокая, в общем, типичный сержант из американских фильмов, только с коррекцией пола. Сейчас же, плотно прижавшись к мускулистой спине, чтобы не свалиться с лошади я неожиданно для себя ощутил Даму совершенно в другом ракурсе. Как довольно симпатичную женщину лет тридцати пяти с упругим, тренированным телом и неожиданно доброй улыбкой.

– А почему не бросила? – интересуюсь, когда подсвеченный полыхающим стогом сена замок скрывается за стеной деревьев. – Ты могла бы самостоятельно закончить миссию и ...

– Дура, потому что! – отрезала Дама и сердито прищипнула коня.

– От тебя воняет, – делаю ей замечание и демонстративно зажимаю нос. – Сильно.

– Мазь у нас одна и таже. Так что можешь принюхиваться сколько угодно к себе.

– Ну, да, конечно мазь.

Грустно вздыхаю и начинаю отслеживать круиз клопа под подкольчужником. Похоже, ему эта мазь даже нравится. Вот же гад кусучий. Или таксикоман или страдает хроническим насморком. Расправится с ним будет ни чуть не легче чем с недавним противником. Эх, дуста бы сейчас, вот тогда я показал бы ему как без спроса по чужому телу шастать, как у себя по квартире, и кровушку пить.

Мы мчимся быстрее ветра. Размытыми пятнами мелькают придорожные кусты. Дама, по-видимому, решила загнать жеребца, лишь бы успеть вовремя.

– Зачем ты Серегу убила? – спрашиваю у нее спустя некоторое время.

– Что значит зачем? – на мгновение повернулась она ко мне. – Он был для нас обузой. Его присутствие поставило бы под вопрос успешное выполнение...

– Да знаю, знаю! – перебиваю ее. – Ты вообще о чем-нибудь кроме успешного выполнения миссий думаешь? Например, что ты командир, у которого в подчинении люди и ты за них в ответе. Твои карты отнюдь не бездушные марионетки. Они, прежде всего люди, а потом уж солдаты. А люди, как известно, хотят жить. По крайней мере разумное большинство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.